

Затем оценивалось «последствие»: учащиеся сообщали, как часто они думают о том, что они узнают на занятиях по английскому языку (иногда, часто, никогда). Далее им предлагалось выбрать один из вариантов поведения на тот случай, если бы иностранный язык не изучался (не учил бы его совсем; пытался бы учить другими средствами, в другом месте; читал бы книги, газеты).

После этого определялись затраты времени в часах в течение недели. Студентам предлагалось оценить, достаточно ли они работают над изучаемым языком. Наконец, выяснялось отношение к занятиям иностранным языком в будущем, после окончания курса обучения: «буду пытаться использовать любые возможности, чтобы применять английский язык», «не буду делать попыток использовать английский язык», «продолжу совершенствовать свои знания».

Срезы в экспериментальной группе проводились трижды: до начала эксперимента, в ходе его и после завершения, в контрольной — до начала и в период обучения, соответствующий окончанию экспериментального обучения. Наблюдались существенные изменения мотивационной интенсивности у студентов. Если вначале в обеих группах преобладали студенты с низкой степенью мотивационной интенсивности, то уже во время обучения, а еще более после него, картина существенно изменяется. Число студентов с высокой степенью мотивационной интенсивности в экспериментальной группе в 3,6 раза выше, чем в контрольной, а с низкой — ниже в 4,4 раза.

Предложенные и экспериментально проверенные методики измерения мотивации учебной деятельности могут также найти применение при обучении различным дисциплинам, причем не только в высшей, но и в средней школе.

Разработанные приемы измерения эмоциональной стороны¹ учения могут, очевидно, найти применение также при исследовании различных проблем воспитания.

Список литературы: 1. Гальперин П. Я., Кабыльницкая С. Л. Экспериментальное формирование внимания. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. — 146 с. 2. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. — М.: Политиздат, 1977. — 304 с. 3. Непомнящая Э. А. Управление процессом формирования мотивов учебной деятельности. — Вестн. Харьк. ун-та, № 159. Иностр. языки, 1977, вып. 10, с. 66—70. 4. Щукина Г. И. Проблема познавательного интереса в педагогике. — М.: Педагогика, 1974. — 319 с. 5. Gardner R. C., Lambert E. W. Attitude and motivation in second language learning. — Rowley, Mass., 1972. — 374 p.

Поступила в редколлегию 27.10.78.

Э. А. НЕПОМНЯЩАЯ, канд. пед. наук

ФОРМИРОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ВУЗЕ

Дальнейшее совершенствование обучения и воспитания специалистов в значительной мере зависит от характера организации обучения. Формирование полноценной, подлинно коллективной учебной деятельности — важный резерв повышения эффективности системы образования.

Советские дидакты придают большое значение роли коллектива в процессе обучения и воспитания. Однако традиционная классно-урочная форма обучения есть лишь формально коллективной: учебная деятельность на уроке носит большей частью индивидуальный характер, учащийся не включен активно в учебный процесс, система коммуникаций при индивидуальной и фронтальной организации учебного процесса носит зонтичный характер (учитель — 20, 40, 100 учащихся). При внешней коллективности процесс познания в сущности остается индивидуальным. «На уроке, в учении ученик — одиночка, изолированно от других усваивающий учебный материал» [1, с. 183].

В настоящее время предприняты лишь отдельные попытки внести элементы коллективности в учебный процесс в средней школе [см. 2; 8]. Что же касается высшей школы, то сколько-нибудь глубокому изучению эти проблемы не подвергались.

Одна из важнейших областей педагогики — теория коллектива — обретает прочную психологическую базу в новейших достижениях социальной психологии, которые обеспечивают понимание общих закономерностей становления и функционирования коллектива, дают педагогу возможность целенаправленно и эффективно управлять процессом формирования коллективной деятельности. Определенные возможности открывает в этом направлении разрабатываемая А. В. Петровским теория деятельностного опосредствования межличностных отношений [см. 4; 5].

Как известно, малые социальные группы (к ним относятся школьные классы и студенческие группы) могут различаться по множеству признаков (размер, длительность существования, привлекательность для своих членов, степень выражения межличностных симпатий и др.). Поэтому существует значительное число классификаций, положенных в основу и теоретического анализа и отбора групп для эмпирических исследований. Рассматриваемая же теория ведущим признаком считает опосредствование групповых взаимоотношений содержанием совместной деятельности [6, с. 63].

В зависимости от целей, задач, принципов, значимости совместной групповой деятельности можно представить следующую иерархию уровней развития групп: диффузная группа, ассоциация, кооперация и коллектив. Только в коллективе, как группе высшего уровня развития, межличностные отношения опосредствуются личностно значимым и общественно ценным содержанием групповой деятельности [подробно об этом см. 4—7]. На основе такого понимания коллектива была сформулирована и экспериментально проверена система гипотез о существовании некоторых специфических для взаимоотношений в группах высшего уровня развития феноменов межличностных отношений. Принципиальные отличия групп разного уровня развития должны учитываться в педагогической практике — как в учебной деятельности и управлении учебным процессом по различным дисциплинам, так и в воспитательной работе. Предложенные в рамках названной теории методики открывают возможности для педагогического воздействия на процесс становления коллектива, позволяют следить за динамикой и направлением изменений в системе межличностных отношений, на

основе полученных данных управлять учебно-воспитательным процессом.

Необходимый характер взаимодействия между обучающимися, предпосылки для развития коллектива обеспечивает групповая форма работы. При этом создаются условия для постоянной включенности обучающихся в учебный процесс, в коллективную познавательную деятельность. Здесь каждый учащийся всегда находится в процессе общения, его внутренний план всегда активизирован, зонтичная система коммуникаций заменяется иной — учащиеся активно обмениваются информацией, затем каждый действует, принимает решения, формулирует свою позицию. Возникающие в ходе взаимодействия общественно значимые предметные отношения с необходимостью порождают групповую активность. Кроме того развивается и поощряется сотрудничество, которое при традиционном обучении, как правило, пресекается. В группе усиливается процесс социального сравнения. Совместная работа способствует сближению обучающихся, улучшению их взаимоотношений.

Отмеченные нами, а также некоторые другие особенности групповой формы обучения, при которой все члены учебной группы объединяются общей общественно значимой деятельностью, позволяют предположить, что таким образом создаются предпосылки для формирования группы высшего уровня развития — коллектива.

Полученные в социальной психологии данные о том, что уровень развития группы является одной из самых существенных переменных, опосредствующих зависимости между социально-психологическими особенностями группы и эффективностью ее деятельности, должны найти применение в педагогической практике, при выборе форм организации учебной деятельности.

Групповая форма работы тесно связана с другими — фронтальной и индивидуальной. Она видоизменяет их и существенно влияет на организацию и содержание обучения. Вместе с тем весь учебный процесс позволяет решать двуединую задачу — овладение знаниями и умениями и создание новых качеств личности, формирование новых идеалов и убеждений.

Необходимо особо подчеркнуть возрастающую роль педагога, который руководит деятельностью каждой группы, подбирает материалы, планирует последующую фронтальную работу.

Различают две формы групповой работы: единую, когда вся группа выполняет одинаковые задания, и дифференцированную, при которой разные группы выполняют разные задания в рамках общей темы.

Попытка организовать экспериментальное обучение, опирающееся на изложенные выше теоретические положения, была предпринята нами в Харьковском государственном университете им. А. М. Горького при обучении английскому языку на экономическом факультете.

Объектом обучения было избрано умение извлекать информацию из печатного материала, ибо, с одной стороны, здесь реализуется

одна из доминирующих потребностей личности — потребность в информации, с другой стороны, именно это умение является центральным при подготовке по иностранному языку специалистов всех профилей.

Организация групповой работы отличается в зависимости от курса обучения. На первых курсах дидактической целью является развитие навыков просмотрового чтения, предпочтение отдается единой форме групповой работы. На карточках-инструкциях отражены способы действий, составляющие обобщенное предписание для поиска информации путем просмотрового чтения [3]. На старших курсах ставится иная дидактическая цель: развитие навыков ознакомительного и обучающего чтения.

На всех курсах задаваемая цель учебной деятельности тесно связана с будущей профессиональной деятельностью студентов. Кроме того устанавливается непосредственная связь профессиональных ситуаций с учебным процессом. Она осуществляется: а) в рамках общественно-политической деятельности (написание рефератов, составление библиографии по темам, предложенным кафедрами общественных наук и специальными кафедрами, подготовка докладов на факультете общественных профессий); б) в учебно-исследовательской работе студентов; в) непосредственно в самой учебной работе (подбор литературы по отдельным темам учебных курсов, подготовка докладов на семинарских занятиях, выполнение курсовых и дипломных работ).

Опишем групповую форму работы на занятиях по иностранному языку со студентами второго курса, по специальности «политическая экономия».

1. Предварительный этап.

Формулируется цель работы: подготовить реферативный обзор на тему «Особенности действия закона прибавочной стоимости в условиях современного капитализма» (одна из тем по программе курса политической экономии). Выделяются подтемы: 1. Новые факторы, влияющие на производство и присвоение прибавочной стоимости; относительная прибавочная стоимость в современных условиях. 2. Система монопольных цен. 3. Монопольная сверхприбыль (и далее по плану рассматриваемой темы). Каждой группе выдают соответствующие печатные материалы и карточки с вопросами по одной из указанных выше подтем («О чем текст»; «Какие вопросы темы в нем рассмотрены»; «Особенности изложенной в данной статье концепции»; «Выводы» и др.).

При такой работе обеспечивается фиксированное разделение труда в реальном учебном процессе.

II. Собственно групповая работа.

1. Подготовительная работа. Каждая группа знакомится с полученными карточками, печатными материалами и распределяет задание между членами группы.

2. Индивидуальная работа по выполнению заданий. Время, отведенное на эту работу, ограничивается и фиксируется. Каждый

студент выполняет свою часть работы и представляет группе ее результаты на отдельном листке. Таким образом осуществляется реальная материализация результатов труда.

3. Совместная работа всей группы: обсуждение результатов, дополнение, исправление их, наконец, составление общего отчета по материалам всей группы. Каждый студент представляет свой печатный материал, в котором выделена информация по поставленным вопросам, и свой письменный отчет по результатам проделанной работы с использованием клише (штампов), употребляемых в данном подстиле языка. На основании обсуждения индивидуальных отчетов группа составляет единый общий отчет.

III. Отчет всех групп.

Общая дискуссия по теме и составление реферативного обзора. Здесь происходит обмен результатами деятельности обучающихся. Варьируются виды печатного материала для каждой группы: сначала предлагаются одинаковые журналы, с одинаковой структурой, затем вводятся различные журналы.

Групповая работа продолжается и во внеаудиторной учебной деятельности: сохраняется состав групп, сформированных на занятиях, они получают совместные домашние задания, уже иного характера: ставится дополнительная дидактическая цель — информационное обеспечение в виде поискового чтения, составление библиографии. Например, подготовить общий для всей группы доклад на научной конференции на иностранном языке «Инфляция в капиталистических странах и ее социально-экономические последствия». Характер тем, литература определяются совместно с профилирующими кафедрами в соответствии с программами по изучаемым дисциплинам.

Выполнение группой совместного домашнего задания предполагает следующую последовательность работы: 1. Составление библиографии печатных материалов (в зале новых поступлений библиотеки, по предметному каталогу, по периодическим изданиям). 2. Отбор на основании составленной библиографии журналов и других изданий, касающихся темы доклада. 3. Ознакомительное и изучающее чтение отобранных материалов. 4. Составление кратких тезисов. 5. Совместное обсуждение полученных результатов. 6. Коллективная работа — составление доклада по теме.

Другой вид домашнего задания — представление общего реферата по статье, предложенной специальной кафедрой. При этом группа должна: 1) перевести на русский язык аннотацию статьи; 2) сформулировать главные проблемы, поставленные в статье; 3) перевести на русский язык выводы; 4) оценить значение сформулированной в статье концепции.

В такой совместной учебной работе успех одного из членов группы обеспечивает успех других, а неудача одного приводит к неудаче других, т. е. возникает взаимная зависимость и взаимная ответственность. Межличностные отношения протекают в реальной предметной деятельности, имеют опосредствованный совместной социально зна-

чимой деятельностью характер и тем самым открывают путь для процесса коллективообразования.

Проведенные замеры уровня сформированности умений (скорость чтения, полнота понимания, степень устойчивости и обобщенности действий по извлечению информации) в экспериментальной и контрольной группах показали более высокую эффективность учебного процесса, основанного на описываемом эксперименте.

Таким образом, полученные предварительные экспериментальные данные позволяют считать, что организация групповой формы работы, опирающаяся на социально-психологическую теорию коллектива, является важным резервом дальнейшего повышения качественного уровня подготовки специалистов в высшей школе, формирования личности специалистов в процессе обучения.

Список литературы: 1. *Левшин Л. А.* Педагогика и современность. — М.: Просвещение, 1964. — 280 с. 2. *Лийметс Х. Й.* Групповая работа на уроке. — М.: Знание, 1975. — 62 с. 3. *Непомнящая Э. А.* Управление процессом формирования мотивов учебной деятельности. — Вестн. Харьк. ун-та, № 159. Иностр. языки, 1977, вып. 10, с. 66—70. 4. *Петровский А. В.* Опыт построения социально-психологической концепции групповой активности. — Вопросы психологии, 1973, № 5, с. 36—42. 5. *Петровский А. В.* К построению социально-психологической теории коллектива. — Вопросы философии, 1973, № 12, с. 67—71. 6. *Петровский А. В., Шпалковский В. В.* Социальная психология коллектива. — М.: Просвещение, 1978. — 214 с. 7. *Психологическая теория коллектива* / Под ред. А. В. Петровского. — М.: Педагогика, 1979. — 239 с. 8. *Чередов И. М.* О принципе оптимального сочетания фронтальной, групповой и индивидуальной работы. — Омск: Зап.-Сиб. книжн. изд-во, 1964. — 280 с.

Поступила в редколлегию 10.09.79.

А. В. ОВДЕНКО, канд. филол. наук, Г. И. ДЕГТЯРЕНКО

К ВОПРОСУ О ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ В АМЕРИКАНСКОМ СЛЕНГЕ

В настоящее время в языковом развитии наблюдается проникновение в письменные (литературные) языки слов, синтаксических конструкций, морфологических явлений из разговорных языков. «Языковая демократизация является тенденцией функционального и внутрисистемного развития, ее сущность выражается в наиболее сильной нивелировке языка и упрощениях в нем в связи с крупнейшим изменением контингента носителей, т. е. социального субстрата» [2, с. 115].

В данной работе исследуется статус фразеологии американского сленга в словарном составе языка и ставится проблема определения его связей с общелитературной фразеологией. Исходным материалом послужили фразеологические единицы американского сленга в словаре *The Pocket Dictionary of American Slang* by H. Wentworth, S. B. Flexner (N. Y., 1969), где они отграничены от других пластов лексики специальными пометами. Данные этого словаря соотнесены с данными «Англо-русского фразеологического словаря» А. В. Кунина (М., 1955) и книги Н. Л. Каменецкайте «Синонимы в английской фразеологии» (М., 1971). Широко использовались материалы из американской художественной литературы, что дало возможность проследить реальное употребление исследуемых фразеологических единиц в речи.

Говоря о фразеологии сленга, мы противопоставляем ее фразеологии литературного языка, поскольку словарь любого развитого языка состоит из двух основных пластов — литературного и нелитературного (standard — substandard). Каждый из них неоднороден, распадается, в свою очередь, на несколько слоев. Проблема стратификации нелитературного пласта довольно сложна, чем и объясняется наличие разнообразных классификаций [7, р. 203].

Известно, что сленг широко проникает во все языковые сферы общественной жизни и входит отдельным слоем в разговорную речь. В американской художественной литературе его широко используют не только в прямой речи персонажей, но и в авторском повествовании такие, например, писатели, как Дж. Селинджер, Э. Хемингуэй, Э. Колдуэлл и другие [3, с. 79].

Проблемы возникновения общего сленга, происхождения его фразеологизмов имеют большое значение, так как без выяснения источников пополнения сленга и его фразеологии нельзя вскрыть закономерности взаимодействия разных лексико-стилистических пластов современного английского языка в США.

Мы исходим из того, что так же, как лексический состав любого языка растет не столько за счет заимствований из других языков, сколько путем использования собственных внутренних ресурсов [4, с. 10], так и фонд фразеологизмов сленга расширяется преимущественно за счет семантического преобразования переменных словосочетаний со сленгом. Здесь наблюдается полное взаимодействие лексико-семантической системы языка. Пути фразеологизации являются различного рода переосмысления: метафоры, метонимии, гиперболы, эвфемизмы. Образующиеся в результате полного или частичного переосмысления фразеологизмы сленга носят ярко выраженный национальный характер и находятся в системных отношениях с другими слоями лексики.

В нашей работе мы исходим из основных принципов фразеологической концепции, разработанной А. В. Куниным и используем метод наложения (аппликации) фразеологических единиц американского сленга на фразеологические единицы литературного английского языка в США, а также предложенный А. В. Куниным метод фразеологической идентификации [см. 1]. Разумеется существуют и другие точки зрения по этому вопросу, но объем данной работы не дает возможности рассмотреть их здесь.

Проблема значения языковых единиц вообще и семантика фразеологических единиц (ФЕ) с ее спецификой, в частности, продолжает оставаться в лингвистике наименее изученной. Фразеологические обороты наряду с выполнением номинативной и коммуникативной функции в языке несут большую экспрессивно-эмоциональную нагрузку. Это особенно характерно для фразеологизмов американского сленга.

При рассмотрении вопроса о принадлежности оборотов исследуемого типа к фразеологии мы руководствуемся следующими чертами, характеризующимися ФЕ в целом, согласно концепции А. В. Кунина:

1) устойчивостью; 2) переосмыслением значения; 3) раздельно-оформленностью.

1. Устойчивость употребления означает, что: а) данный фразеологизм сленга является единицей языка, а не индивидуальным образованием, этот фразеологизм зафиксирован в словарях и в справочных изданиях, есть случаи его употребления различными авторами. Например: *get up on one's ear* — *рассердиться, впасть в негодование (доходя до спора или драки); «кипятиться», «лезть в бутылку»*: "Don't get up on your ear, Davey. I didn't really mean that" (A. Saxton. The Great Midland, p. 184); *a straw boss* — *мастер, десятник, «начальник», «хозяйчик»*: "Because behind me is ten years of the Goddamn... begging a straw boss to give me thirty seconds to go to the toilet" (Al. Maltz. The Underground Stream, p. 199); б) устойчивость значения опирается на наличие тождественного значения во фразеологических вариантах и наличие семантического инварианта, т. е. общего значения при всех возможных различиях в структурных синонимах. Например, фразеологические варианты *get a wiggle on*; *get a move on*; *step on it*; *stir one's stumps* имеют общий семантический вариант — *be in a hurry*, т. е. *торопиться (спешить, поторопливаться, пошевеливаться)*. Фразеологические варианты *be as crazy as a loon*; *be off one's chump* (*nut, rocker*); *be gone* (*light, off*) in the upper storey общим семантическим вариантом имеют *be out of one's mind*, т. е. *сойти с ума, потерять рассудок (спянуть, рехнуться)*, в) структурно-семантическая устойчивость означает, что фразеологизмы сленга обладают устойчивым значением и устойчивым лексическим составом, т. е. замена компонента возможна только в рамках фразеологической вариантности или структурной синонимии. Например: *be on one's last legs* — *be on one's uppers*, *be on one's last pins* имеют общее значение: *нуждаться, быть без гроша, дойти до точки*. Здесь мы наблюдаем возможную замену компонента во фразеологических вариантах; г) синтаксическая устойчивость, выражается в стабильности порядка слов: *donkey's years*; *a coon's age* означают *бесконечно долго (целая вечность)*: "Haven't seen you in a coon's age, my lad," (A. Saxton. The Great Midland, p. 15).

Устойчивость — понятие комплексное. Чтобы то или иное образование можно было отнести к фразеологии, необходимо, чтобы оно обладало всеми минимальными показателями устойчивости, что в полной мере относится к фразеологическим образованиям американского сленга, подвергнутым анализу в этом аспекте.

2. Следующая, характерная для фразеологизмов американского сленга черта, — переосмысление значения. Исследуемые нами единицы обладают частичным переосмыслением (второй компонент употреблен в переносном, а первый — в буквальном значении): *get somebody in dutch* — *подвести кого-либо*, например: "Feeling got me in dutch at..." (S. V. Benét. A Tooth for Paul Revere, p. 11).

Некоторые фразеологизмы сленга обладают полностью переосмысленным значением, например, *to be high-and-dry* — *сидеть без*

денег, «сидеть на мели»: "That didn't stop you from being high-and-dry... during depression..." (Al. Maltz. The Underground Stream, p. 109); big shot — *очень важная персона, «шишка»*: "But there were some big shots like Major Paulson..." (Al. Maltz. A Letter from the Country, p. 109).

3. Раздельнооформленность фразеологизмов американского сленга включает в себя узуальные и окказиональные показатели раздельнооформленности. Узуальные показатели в свою очередь делятся на: 1) морфологические показатели, которые проявляются в том, что компонентам фразеологизмов в определенных условиях свойственны некоторые изменения морфологического порядка: turn up one's toe — turn up one's toes, hand in one's checks, stink of money — stink with money; 2) вариантная раздельнооформленность фразеологизмов сленга проявляется в их способности иметь лексические, грамматические и смешанные одноструктурные типы: shoot off one's mouth — chew the rag (fat) — shoot the bull — shoot the breeze — shoot the crap — *болтать, чесать язык (трепаться, сплетничать)*; 3) Структурно-семантическая раздельнооформленность фразеологизмов состоит в том, что сама их структура не свойственна сложным словам; 4) синтаксическая раздельнооформленность фразеологизмов сленга — порядок компонентов, не свойственный сложным словам; 5) орфографическая раздельнооформленность заключается в раздельном написании фразеологизмов, в отличие от сложных слов, например: headmaster, head-master (сложное слово) и go ciscoo (фразеол. амер. сленга). Этот критерий является дополнительным, и мы его учитываем при наличии всех других показателей.

Окказиональные показатели раздельнооформленности фразеологизмов американского сленга — помещение переменных элементов между компонентами фразеологизма и в конце его. Например: make a floater — *попасть впросак, сделать грубую ошибку*: "I seem to be making nothing but floaters this evening" (A. Huxley. Crome Yellow, p. 139); a grub worm — *шкурник, продажная душонка*: "And some were just grub worms that anybody can buy for a pint of whickey" (Al. Maltz. A Letter from the Country, p. 114).

На основании проведенного анализа фразеологизмов американского сленга можно сделать вывод о том, что они отвечают трем критериям, которые мы считаем основными признаками ФЕ, и включаются во фразеологический фонд языка. Фразеологизмы американского сленга характерны для разговорного языка, о чем мы можем судить по их преимущественному использованию в прямой речи персонажей художественной прозы. А это, в свою очередь, свидетельствует о том, что фразеологизмы исследуемого типа должны использоваться в практике преподавания английского языка в школе и в вузе, где их незаслуженно обходят.

Список литературы: 1. Кунин А. В. Английская фразеология. — М.: Высш. школа, 1970. — 343 с. 2. Никольский Л. Б. Синхронная социолингвистика. — М.: Высш. школа, 1976. — 175 с. 3. Овденко А. В. Аффикация — один из продуктивных способов словообразования в американском общем сленге XX ст. — Вестн. Харьк. ун-та, № 141. Иностр. языки, 1976, вып. 9, с. 140—

146. 4. Овденко А. В. Специфика полисемии и омонимии разностилевых слов (на материале американского сленга XX века) : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Калинин, 1973. — 21 с. 5. Хомяков В. А. Введение в изучение сленга — основного компонента английского просторечья. — Вологда : Гос. пед. ин-т, 1971. — 34 с. 6. Alexander J. The story of our language. — N. Y., 1962. — 175 p. 7. Partridge E. Slang to-day and yesterday. — Ldn, 1960. — 476 p. 8. Soudek L. Structure of substandard words in British and American English. — Bratislava, 1967. — 80 p.

Поступила в редколлегию 26.10.79.

В. И. ОДИНОВА

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ И МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В ПРОЦЕССЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ВАРЬИРОВАНИЯ СЛОВА

Семантика слова отражает сложное взаимодействие различных слоев языка — лексики, морфологии, синтаксиса, которое наиболее ярко проявляется в процессе лексико-семантического варьирования слова.

При исследовании данного явления основное внимание, как правило, уделяется парадигматическим и синтагматическим связям слова. Но процесс лексико-семантического варьирования слова прослеживается и в пределах самой словесной парадигмы безотносительно к лексическому окружению анализируемого слова. В данном случае речь идет о так называемом морфологическом контексте, когда внутрисловное смысловое разграничение проводится при помощи морфологических элементов, находящих свое отражение в самой форме словесного знака. Подобный морфологический контекст представлен в виде постоянной словоформы, отличной от исходной, системной своими морфологическими характеристиками. Такой словоформой, имеющей тенденцию к разграничению различных лексико-семантических вариантов (ЛСВ) полисемантического слова, во французском языке выступает множественное число имен существительных. Наблюдается явление, когда морфологические признаки перерастают в семантические и выступают в качестве разграничительного критерия структурной семантики слова. Этот случай — наглядное проявление взаимосвязи и взаимозависимости элементов системы языка, когда чисто грамматические явления переходят в лексические.

Среди русских лингвистов на эту особенность имен существительных обратил внимание А. А. Потебня, посвятив этой проблеме отдельное исследование. Он, в частности, отмечает: «В некоторых случаях множественное число существительных ... является не значением (обозначаемым), а знаком, средством обозначения других значений, отличных от простой множественности, которая является только исходною, а не конечною точкою мысли» [2, с. 1].

В советском языкознании такой же точки зрения придерживается А. И. Смирницкий, но при этом, по нашему мнению, он недостаточно последовательно проводит разграничение лексических значений, являющихся прямым следствием грамматических модификаций: «Грамматические моменты качественно отличны от лексических и сами по себе не меняют лексического содержания слова. Когда же грамматические различия переходят в лексические — перед нами уже не варианты слова, а разные слова. В то же время различие между вариантами, не являющееся различием грамматических форм

может быть либо лексико-семантическим, не выраженным во внешней стороне слова, либо, напротив, внешним, но тогда не выражающим никакого лексико-семантического различия» [3, с. 59].

Последующий анализ конкретных примеров, взятых из французской художественной прозы, поможет нам приблизиться к правильному пониманию данной проблемы.

Во французском языке формант -s, присоединяемый к основе существительного, играя роль чисто грамматического (морфологического) элемента, указывающего на какое-либо множество предметов или понятий, вместе с тем лексикализуется, т. е. становится неотделимым от основы и вместе с нею образует новую значимость.

Таким образом, изменения, происходящие во внешней структуре словесной единицы, неизменно вызывают изменения внутреннего порядка.

Рассмотрим примеры. Существительное *raison* в словаре Ларусс приводится и в единственном, и во множественном числе и рассматривается при этом как варианты единой словесной единицы *raison*:

raison sing. *bon sens*

pl. *explication d'un fait, motif, cause,*

что соответствует русскому в единственном числе *здравый смысл, разум, рассудок*, во множественном числе — *основание, причины, доводы*.

Это разграничение станет очевидным, если мы обратимся к конкретным фразам: *Margerit l'avait choisie et, bien qu'il ne lui eût jamais donné les raisons profondes de cette élection* [7, p. 123]. *Je le savais. Et aussi que vous êtes parti des Fonderie sans donner de raisons...* [8, p. 57]. *Dupon — il le connaît — ne voudra pas admettre ses raisons* [13, p. 157]. *J'ai pensé: "Il est trop tard pour commencer, trop tard pour recommencer", je me suis donné des raisons, toutes les raisons m'ont quitté* [5, p. 495]. *D'un côté j'étais touché par des raisons qui me semblaient solides et convaincantes...* [9, p. 36]. *Je le regardais en train de me dire cela sans cacher sa satisfaction et m'interrogeais longuement sur les raisons qui pouvaient lui faire souhaiter une telle amitié* [9, p. 37].

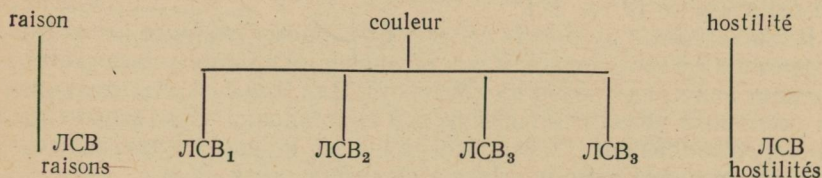
В приведенных примерах словоформа множественного числа *raisons* реализовалась в одном и том же значении причины, доводы, что вытекает непосредственно из контекста. Для большей убедительности применим метод синонимической подстановки: *Syn: arguments, preuve, raisonnement*. Смысл высказываний не нарушился, мы считаем, что у слова *raisons* имеется обособившийся ЛСВ.

Таким образом, словоформа множественного числа, внося изменения морфологического порядка, способствует развитию полисемантизма словесного знака, его лексико-семантическому варьированию. Кроме того, семантические изменения, происходящие в зависимости от оформленности слова в единственном и во множественном числах, идут от более абстрактной значимости (*здравый смысл, разум, рассудок*) к более конкретной (*доводы, причины, основания*).

Вот еще примеры лексико-семантического варьирования существительного при его оформленности во множественное число: Lisa avait des cheveux châtons, elle était encore maigre et blême comme une jeune ressuscitée; la vengeance ne lui aurait pas rendu ses couleurs [2, p. 321).

Данное значение *хороший, здоровый цвет лица, румянец* реализуется в словоформе множественного числа существительного couleurs и появление этого ЛСВ вызвано, по-видимому, принципом языковой экономии, так как он не имеет в языке однозначной параллели, его значение можно передать лишь описательно. Характер семантических изменений, происходящих в слове при оформленности его во множественное число, в данном случае идет от более общего понятия couleur — *цвет* (вообще) к более частному, конкретному — *хороший, здоровый цвет лица, румянец*. Показательно, что у словоформы couleurs имеется еще ряд ЛСВ, например со значением *драпеау, павилон: Envoyer, hisser les couleurs. Aux couleurs! Amener les couleurs!* (P. Robert).

В другом примере словоформа множественного числа также способна порождать определенные семантические изменения в структуре словесной единицы: Après la signature de la paix de Portsmouth, Akim fut réaffecté à son régiment d'origine et dirigé sur la petite ville polonaise où il avait servi avant la déclaration des **hostilités** [15, p. 93]. У слова *hostilité* в единственном числе реализуется, как правило, значение *враждебность* (здесь имеет место субстантивация прилагательного *hostile*), причем адъективное значение признакового характера сохраняется неизбежно в семантике существительного *hostilité* со значением *враждебность* (абстрактная значимость). В транспозитивной словоформе множественного числа *hostilités* появляется новый ЛСВ с более специализированной семантикой, передающей значение *военные действия*, т. е. в семантическом плане данный ЛСВ конкретизировал свою значимость, стал богаче своей словесной параллели в единственном числе, в его статье семантике появился отглагольный элемент действия. Графически этот процесс можно изобразить так:

Интересным представляется процесс семантических изменений слова *effet*: A la suite de quoi ce pauvre papa a prononcé tout un sermon les bras collés et raté tous ses **effets** d'éloquence [10, p. 103]. В данном случае наблюдается реализация чисто грамматического момента, выражающего грамматическое значение множественности по отношению к слову *effet* в единственном числе. Приведем еще не-

сколько примеров. Maturette et Clousiot s'habillent, moi je reste avec les effets de l'arabe [6, p. 95]. Nous avons trouvé le vieux serviteur au lit et constaté tout de suite que les effets qu'il avait jetés sur une chaise étaient dans un état lamentable... [11, p. 331]. Здесь реализовалось одно и то же значение *одежда, носильные вещи*, в чем легко убедиться, применив метод синонимической замены. А Paris je dois quelques milliers de francs à la tenancière du meublé, qui ne laissera pas sortir mes effets [15, p. 127]. В данном примере реализовался другой ЛСВ словоформы множественного числа effets со значением *багаж*.

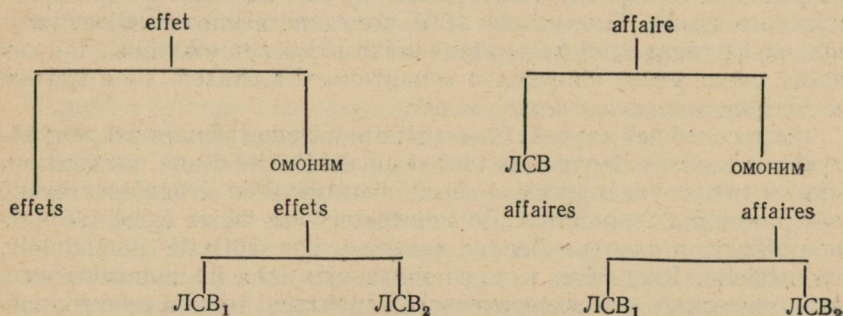
Таким образом, как свидетельствуют приведенные примеры, словоформа множественного числа (морфологическим показателем которой является формант -s) сама способна порождать ЛСВ, что, безусловно, способствует качественному обогащению лексики французского языка. Заметим при этом, что единственное и множественное числа слова effet рассматриваются нами как омонимы, так как здесь имеет место нарушение семантических связей. Ср.: *эффект и одежда, носильные вещи, багаж*.

Еще подобный случай. Слово affaire в единственном числе трактуется в словаре Ларусс как tout ce qui est l'objet d'une occupation, что соответствует в русском языке понятию *дело* с исключительно абстрактной значимостью. Во множественном числе существительное affaires в словаре Ларусс подается как activité commerciale, industrielle, financière, т. е. со значением *дело*, но политического, экономического или коммерческого характера, термин со специальным значением, который в синонимическом плане можно заменить единицами более конкретной значимости. ...Et que Barbentane avait montré du cran en abandonnant sa médecine pour se jeter dans les affaires [4, p. 17]. Syn: se jeter dans la politique; se jeter dans le commerce.

При подстановке синонимов смысл фразы не нарушится. Обращает на себя внимание тот факт, что словоформа множественного числа affaires имеет и другое значение (*одежда, носильные вещи*), в словаре Ларусс она подается как fam: objets usuels, что станет очевидным при анализе конкретных примеров: Déjà elle s'était posément ses affaires, les établit sur le lit, réfléchissait, pesant le pour et le contre de chaque vêtement [16, p. 485]. Simone ne regarda même pas, déjà en train de mettre ses affaires dans une valise... [16, p. 410]. Elle prépara les affaires de son fils pour l'hiver et les rangea avec soin dans les tiroirs de la commode [7, p. 110]. Avec les mains engourdis de froid, Juliette ramassa ses affaires [17, p. 23].

Применив метод синонимической подстановки, убедимся в правильности идентификации значения слова affaires — vêtements, habits. Смысл высказываний не нарушился, следовательно, мы можем утверждать, что у словоформы множественного числа affaires появился омоним со значением *одежда, носильные вещи*, у которого, в свою очередь, также имеется ЛСВ со значением *багаж*: Il faut encore en passant prendre mes affaires à l'hôtel de la Paix... [14,

р. 40]. Подобно *effets* у словоформы *affaires* также прослеживается появление ЛСВ с идентичным значением *багаж*. Благодаря наличию ЛСВ со сходными значениями данные единицы стали синонимичными, чего нельзя сказать о соответствующих словоформах, выражающих простую грамматическую множественность, у которых нет никаких точек семантического соприкосновения. Таким образом, у лексических единиц *effets* и *affaires* наблюдается переход грамматических элементов в чисто лексические, в результате чего появились обособившиеся лексические единицы — омонимы, имеющие ЛСВ с идентичными значениями, т. е. словоформа множественного числа породила отдельную лексическую единицу, являющуюся, в свою очередь, полисемантической. Графически данный процесс можно изобразить следующим образом:

До сих пор нами были рассмотрены случаи лексико-семантического варьирования слов при их оформленности во множественное число, когда реализовались ЛСВ закрепленные языковой традицией. Но словоформа множественного числа является в семантическом плане продуктивной моделью для создания новых единиц, о чем свидетельствует наличие во французском языке окказиональных ЛСВ.

В нормативной дистрибуции существительному *foyer* в единственном числе соответствует значение *очаг*. В примере *Enfin les médecins avaient estimé que son état était stabilisé et qu'il pouvait regagner ses foyers* [7, р. 181] у существительного *foyers* (во множественном числе) появился новый ЛСВ со значением *отчий дом* (авторский неологизм).

В результате анализа конкретных примеров установлено, что в процессе морфологических изменений слова, изменения его внешней структуры ($N = R + S$, где N — слово-лексема, R — основа, S — окончание) влечет за собою определенные трансформации его внутренней структуры, появление обособившихся значений, отдельных ЛСВ. Это значит, что во французском языке словоформа множественного числа содействует появлению новых ЛСВ у того или иного слова, способствуя тем самым качественному обогащению лексики. Изменения в семантическом плане идут от более абстракт-

ных к более конкретным значениям. Кроме того, формант -s, внося изменения чисто грамматического порядка, способен привести к радикальным изменениям в системе значений слова, в результате чего наблюдается разрыв семантических связей с исходной словоформой, что ведет к появлению отдельных лексических единиц — омонимов, имеющих, в свою очередь, свои ЛСВ. Словоформа множественного числа в семантическом плане является продуктивной, о чем свидетельствует появление окказиональных ЛСВ. Рассматриваемое явление убедительно доказывает тесную взаимосвязь различных слоев языка, в данном случае грамматики и лексики.

До сих пор речь шла о явлении, когда внутрисловное смысловое разграничение проводилось при помощи морфологических элементов (формант -s), переходящих в сугубо лексические и оказывающие непосредственное влияние на семантические сдвиги в системе значений соответствующих слов. Но семантические сдвиги обнаруживаются также в результате десемантизации чисто лексических элементов, которые перерастают в морфологические и начинают выполнять роль оценочных суффиксов. Данное явление прослеживается у полнозначного прилагательного *petit*, которое в своей нормативной дистрибуции, т. е. в постпозиции по отношению к определяемому существительному имеет значение *маленький, небольшой*. В препозиции это прилагательное в широких пределах варьирует свое значение и в определенных контекстах теряет свою полнозначность и начинает выполнять роль оценочного суффикса: *Quel ail? fit-elle, d'une pauvre petite voix* [16, p. 479]. Выражение *une pauvre petite voix* переводится *слабый, несчастный голосок*. *Les petits farceurs de votre âge, dit Zazie, ils me font de la peine* [12, p. 85].

В этих примерах прилагательное *petit* утратило полноту своего лексического содержания, семантически слилось с определяемым существительным, составило с ним единое понятие, придало ему оттенок уменьшительности.

Таким образом, полнозначный элемент высказывания *petit* в результате деграмматизации и десемантизации функционально превратился в служебный элемент, выполняя при существительных роль уменьшительного суффикса (аналогично: *petite mère* — *маменька*, *petite fille* — *доченька*, *petit voleur* — *воришка* и т. д.). В. Г. Гак отмечает наличие во французском языке целого ряда прилагательных, например *petit, grand, léger, court, jeune, pauvre*, которые в результате деграмматизации и связанной с нею десемантизации способны выполнять роль служебного морфологического элемента, функцию оценочного суффикса определяемого в синтагме существительного. Например: *petit cheval* — *лошадка*, *fumée légère* — *дымок*, *jeune marchand* — *купчик*, *grande maison* — *домище* и т. д. [1, с. 97].

Наблюдаемое в данном случае явление — результат одних и тех же процессов, которые нами были ранее отмечены при рассмотрении семантической вариативности имен существительных морфологически оформленных в виде

словоформы множественного числа. Но если у существительных наблюдается переход грамматических (морфологических) явлений в лексические, то у прилагательных, наоборот, чисто лексические явления переходят в грамматические (морфологические). Данные факты свидетельствуют о взаимосвязи и взаимозависимости различных пластов языка, а именно, лексики и грамматики.

Список литературы: 1. Гак В. Г. Сравнительная лексикология. — М.: Междунар. отношения, 1977. — 264 с. 2. Потемня А. А. Значение множественного числа в русском языке. — Воронеж, 1888. — 76 с. 3. Смирницкий А. И. К вопросу о слове (Проблема «тождества слова»). — Труды ин-та языкознания, ч. 2/АН СССР, 1954, т. 4, с. 56 — 78. 4. Aragon L. Aurélien. — S. l., Gallimard, 1963. — 127 p. 5. Beauvoir S. de. Les mandarins, vol 2. — S. l., Gallimard, 1954. — 487 p. 6. Charrière H. Papillon. — S. l., Robert Laffont, 1969. — 547 p. 7. Chauviré J. La terre et la guerre. — S. l., Gallimard, 1964. — 247 p. 8. Duras M. Moderato cantabile. — S. l., Les Editions de Minuit, 1958. — 138 p. 9. Gautier J.-M. Le sexe des anges. — S. l., Gallimard, 1974. — 257 p. 10. Gide A. Les faux-monnayeurs. S. l., Gallimard. 1925. — 387 p. 11. Leroux G. Le mystère de la chambre jaune. — S. l., Gaston Leroux, 1960. — 423 p. 12. Queneau R. Zazie dans le métro. — S. l., Gallimard, 1959. — 143 p. 13. Robbe-Grillet A. Les gommies. — S. l., Editions de Minuit, 1953. — 296 p. 14. Rochefort Ch. Le repos du guerrier. — S. l., Grasset, 1958. — 325 p. 15. Simonon G. L'affaire Saint-Fiacre. — S. l., Grasset, 1958. — 141 p. 16. Triolet E. Le cheval blanc. — S. l., Editions Denoël, 1943. — 492 p. 17. Triolet E. Le premier accroc coûte deux cent francs. — S. l., Denoël, 1945. — 218 p. 18. Troyat H. Tant que la terre durera, vol. 3. — S. l., La table ronde, 1947. — 391 p.

Поступила в редколлегию 25.09.79

Э. Г. ПАПОВЯНЦ ✓

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДИФИКАЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ КАЧЕСТВЕННОЙ ХАРАКТЕРИЗАЦИИ

Предложения качественной характеристики (ПКХ) как самостоятельная грамматическая единица обладают присущими им дифференциальными признаками. Сюда относятся: 1) грамматическая организация модели, ее исходная форма; 2) система форм, актуализирующая объективно-модальные и временные значения; 3) система структурно-семантических модификаций или регулярных реализаций и функций.

Понятие регулярных реализаций выдвинуто впервые в работах Н. Ю. Шведовой [3; 4]. Регулярные реализации предложений рассматриваются Н. Ю. Шведовой как ряд видоизменений их структурной схемы, которые наряду с грамматической парадигмой составляют их синтаксическую характеристику. Они — результат неполноты схемы, введения в состав предложения так называемых полуснаменательных глаголов, субъективно-модальных частиц, замещения одного из компонентов целым предложением, а также конситуативно обусловленного снятия характеризующих схему лексических ограничений.

Понятие регулярных реализаций получило дальнейшее развитие и уточнение в работах Г. А. Золотовой [1; 2]. Г. А. Золотова возражает против включения в систему регулярных реализаций структурной схемы предложения таких характеристик, как конситуативно обусловленная неполнота предложения и замещение одного из компонентов схемы целым предложением, на том основании, что конситуативная неполнота предложения — явление не языка, а речи, в речи же, особенно диалогической, обычно употребление в коммуникативной функции любого компонента, любой синтаксической конструкции. Эти компоненты не характерны для одной определенной схемы,

следовательно, не могут служить ее грамматическим признаком. Что же касается замещения одного из компонентов схемы целым предложением, то этот процесс изменяет состав модели, а, следовательно, также не может считаться ее реализацией. Регулярными реализациями, согласно концепции Г. А. Золотовой, являются модификации, которые последовательно проходят тот или иной тип предложения, оставаясь в пределах своей структурной схемы или модели. Мы разделяем точку зрения Г. А. Золотовой на структурно-семантические модификации как регулярные смысловые преобразования, способные к которым заключена в специфике грамматической организации модели. Данные реализации вносят в предложение новый семантический элемент, который усложняет строение предикативной оси и способствует реализации дополнительной информации [см. 6, с. 205].

В настоящей статье будут рассмотрены адъективная (N be Adj.) и субстантивная (N_1 be N_2) двусоставные модели ПКХ, как наиболее типичные, обнаруживающие широкие возможности образования структурно-семантических модификаций различного типа. Грамматическая организация этих моделей ПКХ дает возможность актуализировать аспектуальные и модальные значения, а также реализовать выявление признака. Признак может быть представлен в динамике своего развития. При этом возможна его фиксация в разных фазах, что вызывает необходимость выразить соответствующее значение в регулярных реализациях фазисного характера, таких, например, как начинательность или становление признака, его длительность или сохранение, ограничение длительности. Фазисные реализации принимают лишь те ПКХ, в которых содержится сообщение о признаке, представленном в динамике его развития. Не принимают фазисных модификаций предложения, сообщающие о постоянном статическом признаке предмета, указывающем на материал, из которого сделан предмет, национальную принадлежность и происхождение субъекта.

Рассматриваемые модели ПКХ располагают своим набором средств для выражения значений фазисного развития признака. К ним относятся прежде всего глаголы становления *become*, *get*, *go*, *grow*, *turn*, обозначающие появление нового признака, возникновение нового и интенсификацию старого качества.

Сравним синтаксические возможности адъективной и субстантивной моделей принимать фазисные модификации со значением становления признака.

	N be Adj.	N_1 be N_2
become	In the face of it Christopher became almost apologetic [6, p. 292]	He became a quareller but not with her [10, p. 26]
get	She was getting snobbish [10, p. 142]	—
grow	We grow wiser as we grow older [9, p. 185]	—
go	Anna's eyes went enormous [5, p. 91]	—
turn	The weather is turning colder	The child's face turned pudding again [10, p. 73]
come	Things will some right	—

Анализ языкового материала свидетельствует о том, что адъективная модель обладает безусловным преимуществом в выражении фазисной модификации со значением становления признака. Возможности субстантивной модели крайне ограничены.

Вторым средством выражения фазисного развития признака являются глаголы *continue, remain, stay, keep*, обозначающие длительный характер признака или его сохранение в течение определенного времени. Сравним теперь синтаксические возможности адъективной и субстантивной моделей принимать фазисные реализации данного типа.

	N be Adj.	N ₁ be N ₂
stay	The weather stayed bad for 3 days	—
keep	The weather kept obstinately hot and dry	—
continue	His breathing continued loud	—
remain	He had remained young and green at heart [7, p. 49]	In appearance, he remained the flower of the family [8, p. 142]

При сопоставлении употребительности адъективной и субстантивной моделей выясняется, что для выражения фазисной реализации со значением сохранения субъектом признака адъективная модель также является доминирующей. Следует отметить, что фазисный глагол не вносит в предложение самостоятельной информации. Он остается вспомогательным по своему значению и не обладает конструктивными свойствами, т. е. не способен образовать ни предложения, ни его компонентов без тех знаменательных слов, с которыми он сочетается. Обозначение признака в его фазисном развитии заключено в лексико-грамматической структуре всего сказуемого.

Кроме фазисных глаголов, аспектуальная характеристика может быть выражена лексическими маркерами. Например: *An enigma to him from the day that he first saw her, she was an enigma to him still* (продолжительность) [7, p. 127]. *She was no longer a threat, she was a quiet person* (ограничение длительности) [6, p. 60]. Для актуализации аспектуальных значений уместны и конверсивные преобразования моделей. Здесь имеется в виду соотносительность таких структур, как *All elasticity had gone from his limbs* [9, p. 250]. *His limbs were not elastic any more.*

Видовой характер признака нередко раскрывается распространением структуры предикации придаточным предложением: ... *Nowadays she was vivacious only when the time came, in front of the cameras, to play the tiger* [10, p. 48].

Следующим типом структурно-семантических преобразований, свойственным адъективной и субстантивной моделям ПКХ, является модальная модификация, выражающая в исследуемых предложениях различное отношение субъекта к признаку. Модальные реализации отличаются от основных моделей дополнительными значениями возможности, необходимости, долженствования, желатель-

ности, уверенности, переданными специальными языковыми средствами. К ним относятся: 1) модальные глаголы; 2) модальные слова и фразы; 3) глаголы желания. Например: 1) He'd have to be a sort of Mr. Universe [5, p. 165]. «This fellow», he thought, «may not be a scamp...» [7, p. 136]. She must be wonderfully fascinating... [8, p. 199]; 2) In the spring things would surely be more tolerable [6, p. 62]. I saw Anne Stanton, who was not exactly a beauty maybe but who was Anne Stanton [11, p. 124]; 3) She wants to be a star [5, p. 228].

ПКХ обнаруживают способность еще к одному виду реализации — выявлению признака. До сих пор мы рассматривали реализации моделей, в которых имя признака и имя предмета остаются двумя основными константами, организующими эти модели. Что же касается реализаций выявления признака, то они существенно усложняют структуру предложения.

Модификации с ползунаменательными глаголами фазисного характера и глаголами выявления, кажущиеся на первый взгляд структурно однозначными, по существу, различны не только по смыслу, но и синтаксически. В структурах предикации с глаголами seem, appear, look имплицитно вводится субъект, через восприятие которого преломляется соответствующий признак. В предложении находим два логически неидентичных субъекта: субъект, значение которого принадлежит глубинной структуре, и субъект, значение которого выражено эксплицитно. Включение нового субъекта влечет за собой усложнение структуры предложения, так как он может сам входить в состав предикативной единицы, взаимодействующей с основной: He seemed so beautiful. → It seemed (to us, to me) that he was so beautiful.

Таким образом, перечисленные глаголы могут выполнять не только вспомогательную, но и структурную роль. За реализацией выявления кроется взаимодействие двух моделей, одна из которых сообщает о признаке, другая — о характере восприятия этого содержания субъектом речи. Иногда имеет место комплексное выражение реализаций, совмещающих значение модальности и фазисности, модальности и выявления признака: Only you mustn't get any heavier, darling [9, p. 353]. Your life must appear to many people deliberately unattractive [6, p. 111].

Объективно существующая в языке сгруппированность различных структурно-семантических модификаций ПКХ, в основе которой лежит сохранение инвариантного признака модели, является одним из тех процессов, которые отражают внутреннюю динамику синтаксической системы.

Список литературы: 1. Золотова Г. А. О регулярных реализациях моделей предложения. — Вопросы языкознания, 1969, № 1, с. 67—79. 2. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. — М.: Наука, 1973. — 351 с. 3. Шведова Н. Ю. Грамматика современного русского литературного языка. — М.: Наука, 1970. — 767 с. 4. Шведова Н. Ю. О понятии регулярная реализация структурной схемы простого предложения. — В кн.: Мысли о современном русском языке. — М.: Просвещение, 1969. — 215 с. 5. Amis K. Take a girl like you. — S. l., Penguin Books, 1975. — 316 p. 6. Drabble M. The needle's eye. — S. l., Penguin Books, 1977. — 399 p. 7. Galsworthy J. The Forsyte saga. The man of property. — М.: Progress Publishers, 1975. — 383 p. 8. Lawrence D. Sons and lovers. — S. l., Penguin Books, 1977. — 511 p.

9. Maugham S. Rain and other short stories. — М.: Progress Publishers, 1977. — 406 p. 10. Spark M. The public image stories. — М.: Progress Publishers, 1976. — 292 p. 11. Warren R. All the King's men. — С. 1., New English Library, 1974. — 479 p.

Поступила в редколлегию 15.10.79.

Ж. Е. ПОТАПОВА

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА СТИЛЬ И ЯЗЫК ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

Каждый языковой стиль обладает чертами известной системы, более или менее единообразной организацией языкового материала, т. е. теми или иными признаками, которые придают ему особое своеобразие [с. 1]. Поэтому «определенную специфическую оболочку», которой покрывается язык в результате сознательного или бессознательного приспособления обычных средств языка к особым, добавочным по отношению к основной цели всякого говорения — сообщению мысли, прежде всего можно рассматривать как особенность определенного функционального стиля. Для художественной речи характерно воздействие на воображение адресата и возбуждение в нем эстетических переживаний [см. 12]. Общая коммуникативная функция языка осложняется здесь воспитательными и изобразительными функциями [см. 6].

Художественная речь, как известно, делится на множество жанров и типов, каждый из которых имеет еще свои особенности внутри общей «специфической оболочки». Художественная проза для детей и юношества также имеет свои отличия, выделяющие ее в отдельную ветвь художественной литературы.

Своеобразие литературы для детей и юношества обусловлено возрастными особенностями адресата. Оставаясь, как и любое истинно художественное произведение, произведением искусства, детская книга предназначена решать «...языком художественных образов задачи воспитания и образования детей. Она неотделима от общего литературного потока, рождается на пересечении художественной литературы и педагогики и осуществляет единство принципов искусства и педагогики. Детская литература усваивает все принципы художественной общей литературы, но придает им особую окраску в соответствии с особенностями психики своего специфического читателя» [3, с. 9]. Итак, главное назначение литературы для детей и юношества — задачи воспитания и образования. Об этом говорил еще В. Г. Белинский: «Детские книги пишутся для воспитания, а воспитание — великое дело: им решается участь человека» [5, с. 18—19]. Эту мысль развивает С. Михалков: «Все зависит от того, как воспитали человека: ведь все начинается с детства... Из любого ребенка можно вырастить благородного, трудолюбивого, мужественного и честного гражданина. Главное: не упустить время!.. И тут очень важно, чтобы встретился подрастающий человек с умной, хорошей книгой» [11, с. 17].

Ребенок очень наблюдателен, от его внимания не ускользают те незаметные происшествия, которые взрослым кажутся пустяком. Всякие мелочи могут оказаться для него важнейшими событиями,

запечатлеться в памяти и сыграть свою роль — добрую, положительную или дурную [см. 11, с. 17]. От того, как воспитано подрастающее поколение, во многом зависит, по какому пути пойдет развитие человечества. Детская книга — важное оружие общества в подготовке своей смены. Поэтому прогрессивные деятели культуры и просвещения всегда с большим вниманием относились к литературе, адресованной детям, тем самым проявляя заботу о будущем своей страны.

Опираясь на фундамент, заложенный еще В. Г. Белинским, Н. Г. Чернышевским, Н. А. Добролюбовым, больших успехов в разработке насущных проблем в этом вопросе достигла советская детская литература, являющаяся образцом для литературы других стран, в частности Германской Демократической Республики. С каждым годом в ГДР расширяется объем работ по изучению теоретических и практических проблем советской литературы для детей и юношества [см. 2].

Каковы же основные проблемы литературы для детей и юношества? Какой она должна быть, чтобы обеспечить выполнение возложенных на нее задач?

С юными читателями, как утверждают В. Г. Белинский, А. М. Горький, Н. К. Крупская, А. С. Макаренко [см. 5; 10; 9; 8], можно говорить обо всем. Учет возрастных особенностей оказывается не в теме, а в способе изложения. Надо «...уметь говорить со своим читателем о взрослых вещах, но в сфере детского восприятия мира» [4, с. 40]. Сообразно с основной задачей — воспитания и образования путем воздействия на воображение адресата и возбуждения в нем эстетических переживаний — художественная литература для детей и юношества должна обладать определенными качествами. Эти особенности повествования основываются на особенностях психологии детского возраста и подтверждаются теоретическими изысканиями крупных мастеров художественного слова, педагогов, критиков.

Исследования психологов привели к выводу о конкретности и предметности мышления ребенка. Отсюда — предметность и зримость художественного образа. Идею произведения нужно доводить до юных читателей в системе реальных и конкретных художественных образов.

Изложение должно быть эмоциональным. Нельзя оставлять ребят равнодушными, надо встревожить их мысль и сердце, повысить их внутреннюю активность. Следующая специфическая особенность — занимательность. Она достигается прежде всего динамикой повествования. Динамизм создается не только сменой событий, фактов, но и удачными оборотами, сравнениями, острым конфликтом произведения, раскрытием характеров персонажей в их поступках и пр. Занимательность проявляется и в оживленном, увлекательном изложении, умении говорить с детьми интересно, выразительно, широко использовать юмор, держать читателя в напряжении, вызывать интерес к предмету повествования. Скудные описания

могут только оттолкнуть от книги. Хорошо объясняет эту мысль С. Михалков: «Занимательность — одно из самых необходимых качеств специфики этой литературы, ибо мы с вами, быть может, и станем читать скучную книгу, если нам объясняет, что она содержит некие полезные и нужные сведения, но ребенок не станет читать подобные произведения ни за что!» [11, с. 31].

Произведение должно выражать мысль кратко, ясно, точно и конкретно. Вместе с тем следует избегать моралистических нравов учений, назойливого дидектизма. Писатель должен не навязывать ребенку наши истины, а поднимать детскую мысль до нашей, развивать детскую психику и доверять уму ребенка, помогать юному человеку осознать себя деятелем, творцом и поставить его перед необходимостью самому сделать нужные выводы. Н. А. Добролюбов по этому поводу говорил, обращаясь к писателям: «Заставьте же нас самих думать. Соберите в вашем типе, в вашем описании, в вашем рассказе, как в фокусе, все частичные явления, мелкие черты, неуловимые в обыкновенных взглядах особенности быта или лица, осветите все это общей идеей вашей, так чтобы она сквозила в каждом слове, в каждом движении избранного вами характера, в каждой строчке вашего описания; но бойтесь являться учителем, бойтесь высказывать нам, что вы хотите таких-то совершенств и намерены казнить такие-то пороки» [7, с. 54].

Писатель должен расширять словарь ребенка, обогащать его новыми понятиями и терминами, учить читателя понимать душу слова, придавая последнему полное звучание. Ни одно слово не должно быть лишним, пустым или малоинформативным. При всем этом детская литература должна обладать особой яркостью и сочностью красок.

Художественная литература воздвигается на базе общенародного языка посредством его образно-эстетической трансформации [см. 6]. Для создания художественного произведения писатель отбирает из национального языка те конкретные средства, которые необходимы для осуществления его замысла, и приводит их в соответствующую систему для реализации идейно-эмоционального содержания произведения. Творческие возможности применения богатства языка в художественной литературе безграничны, но при этом языковые средства преломляются через особенности функционального стиля, жанра, через мировоззрение автора, его мастерство, вкус, принадлежность к определенной литературной школе. Таким образом, своеобразие литературного произведения определяется и неязыковыми факторами. Переход от экстралингвистического уровня к лингвистическому происходит с помощью категории, которую, согласно терминологии Э. Г. Ризель, мы называем «стилевой чертой». Несмотря на широкое внимание исследователей к данной категории (а может быть, и благодаря ему) в настоящее время нет единой точки зрения в толковании этого понятия, нет и единого термина. Мы не приводим различные мнения по названным вопросам — основные разногласия указаны в работе [13]. Как и Э. Г. Ри-

зель, мы считаем, что стилистика не может существовать в изоляции от психолингвистики, социолингвистики, лингвистики текста, теории коммуникации, прагматики, литературоведения, эстетики, поэтому и вопрос о стилевой черте не может быть решен только в рамках интралингвистики. Здесь нужно обращаться к экстралингвистическим импульсам, которые обуславливают, формируют, мотивируют и нормируют стиль. Стилиевые черты возникают как экстралингвистические качественные принципы упорядочения и организации речи, которые определяются задачей, целью и ситуацией общения, прагматической установкой. Эти принципы управляют речевым актом. Но в процессе коммуникации между отправителем и получателем стилевая черта изменяет свою значимость, превращаясь в величину-посредника, которая способствует достижению желаемого эффекта. Таким образом, стилевая черта — это явление, которое истолковывается по этапам: психолингвистически в момент возникновения и лингвистилистически как результат использования языка [см. 13, с. 79].

Поскольку нас интересует не отдельное произведение конкретного автора и не творчество одного писателя, а произведение как представление соответствующего функционального стиля и жанра, то для нас важны лишь особенности художественной литературы, и ее рассматриваемого жанра (художественной прозы для детей и юношества), определяемые их задачей, целью и прагматической установкой, а мастерство, вкус, литературная школа автора и т. п. не является в данном случае релевантными. Внеязыковые обстоятельства, вызывающие к жизни тот или иной функциональный стиль (жанр, тип), являются той экстралингвистической основой, которая через стилевые черты определяет выбор и использование конкретных языковых средств.

Неязыковые факторы, формирующие художественное литературное произведение для детей и юношества (о них было сказано выше), позволяют выделить определенные стилевые черты. Однако, прежде, чем их назвать, сделаем небольшое отступление, касающееся классификации этой категории. Если не установить иерархию, не различать общие и специфические, доминирующие и периферийные стилевые черты, тогда не будет ясно, например, почему в жанре «Kindergroman» основными стилевыми чертами являются доступность и экспрессивность [см. 14]. Разве произведение в любом другом жанре (функциональном стиле) не должно быть доступным, если специально не преследуется противоположная задача? И разве экспрессивность свойственна только детской литературе? Хотя, как считает Э. Г. Ризель, еще рано приступать к классификации, так как лингвистический статус этой категории еще недостаточно ясен, все же приведенная в работе [13] предварительная систематизация позволяет увидеть правильные пути решения данной проблемы. Согласно названной систематизации следует различать два типа основных стилевых черт, в каждом из которых имеются по две подгруппы:

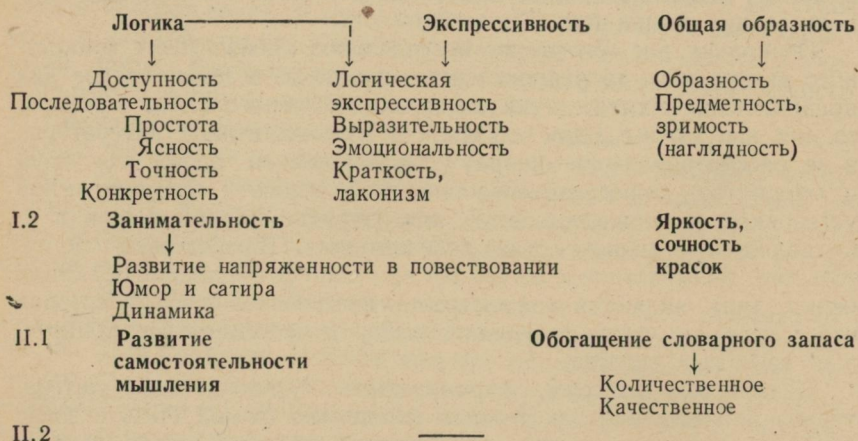
I. 1. Общие — характерны для всех коммуникативных сфер, т. е. для всех систем функциональных стилей и соответствующих им жанровых стилей и стилей типов текстов.

I. 2. Особые — свойственны некоторым коммуникативным сферам, т. е. отдельным функциональным стилям, жанровым стилям и стилям типов текстов.

II. 1. Свободные или диффузные — характерны не для всей трехступенчатой системы какого-либо функционального стиля, а лишь для некоторых жанровых стилей или стилей типов текстов различных функциональных стилей.

II. 2. Индивидуальные — прежде всего в функциональном стиле художественной литературы.

Исходя из этой классификации, сделаем попытку упорядочения стилиевых черт художественной литературы для детей и юношества (см. таблицу).

Основные стилиевые черты (у нас они выделены) всегда характерны для тех уровней, в каких они указаны: I.1. — общие для всех коммуникативных сфер и I.2. — особые для функционального стиля художественной литературы и его подстилей, однако в конкретных субстилях они проявляются по-разному, поэтому группа входящих в них компонентов в каждом отдельном случае различны по количеству, составу и степени проявления (включая нулевую). В жанре детской художественной литературы к приведенной нами схеме следует добавить, что стилиевые черты I.2, имея самостоятельное значение, на своем уровне входят также в группу стилиевых черт на высшем уровне, а именно, служат для реализации экспрессивности и общей образности. Итак, стилиевые черты могут тесно переплетаться друг с другом.

Уровень II.1 характерен именно для детской художественной литературы. Уровень II.2 (индивидуальные стилиевые черты), как уже было сказано, в нашем случае во внимание не принимается.

Таким образом, совокупность стилевых черт, обусловленная экстралингвистическими факторами, служит тем стилообразующим стержнем, который определяет выбор и применение конкретных языковых средств. Эта зависимость характерна и для всей языково-стилистической структуры произведения, и для отдельных ее систем.

Список литературы: 1. Адмони В. Г., Сильман Т. И. Отбор языковых средств и вопросы стиля. — Вопросы языкознания, 1954, № 4, с. 93—100. 2. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. — Л.: Просвещение, 1973. — 303 с. 3. Бабушкина А. П. История русской литературы. — М.: Учпедгиз, 1948. — 480 с. 4. Барто А. О поэзии для детей. — В кн.: Детская литература 1967 г. — М.: Детская литература, 1968, с. 39—45. 5. Белинский В. Г. Избранные педагогические сочинения. — М.; Л.: Изд-во АПН, 1948. — 280 с. 6. Виноградов В. В. Насущные задачи советского литературоведения. — Знамя, 1951, № 7, с. 143—149. 7. Добролюбов Н. А. Нечто о дидактизме в повестях и романах. — Полн. собр. соч. т. 1 — М.: ГИХЛ, 1934, с. 537—541. 8. Крупская Н. К. О детской литературе и детском чтении. — М.: Детгиз, 1954. — 79 с. 9. Макаренко А. С. О детской литературе и детском чтении. — М.: Детгиз, 1955. — 184 с. 10. М. Горький о детской литературе: Статьи, высказывания, письма. — М.: Детская литература, 1968, 432 с. 11. Михалков С. Все начинается с детства... — В кн.: Детская литература 1967 г. — М.: Детская литература, 1968, с. 17—38. 12. Пешковский А. М. Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. М.; Л.: Госиздат, 1930. — 176 с. 13. Ризель Э. Г. К определению понятия и термина «стилевая черта». — НДВШ: Филол. науки, 1978, № 4, с. 76—87. 14. Фокерман Р. Р. Лингвостилистическая характеристика жанра «Kinder-roman»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1968. — 24 с.

Поступила в редколлегию 19.11.79.

А. А. ПРОКОПЧУК, канд. филол. наук

ОБ ОДНОЙ РАЗНОВИДНОСТИ СЛОЖНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОБРАЗОВАНИЙ С СЕМАНТИЧЕСКИ ОДНОТИПНЫМИ СОСТАВЛЯЮЩИМИ

Сложноподчиненному предложению свойственна соотнесенность как со структурно простым предложением, осложненным именными группами, так и со сложными образованиями (СО) — сложносочиненным предложением, сочетанием предложений. Чем объясняется наличие этой соотнесенности и какова ее степень по отношению к отдельным разновидностям СО?

Важной предпосылкой соотнесенности всех названных образований является однородность исходных единиц, из которых они формируются. Под исходными единицами понимаются образования пропозициональной семантики типа субъектно-предикатных структур, по И. П. Сусову [см. 4], или предикатных выражений, по В. В. Богданову [см. 1]. Наличие указанной соотнесенности обусловлено также общностью некоторых этапов в процессе формирования СО. Степень соотнесенности отдельных СО можно измерить количеством таких общих этапов.

Обратимся к СО, одна из составляющих в которых, содержащая лексическую единицу со значением аффекта, выражает психическое состояние лица, а другая называет событие-антецедент, т. е. событие, обусловившее данное состояние. На базе исходных единиц такой семантики формируется целый ряд СО: сочетание предложений, сложносочиненное предложение, сложноподчиненное пред-

ложение, предложение с включенной инфинитивной, субстантивной группой.

Составляющие во всех этих образованиях характеризуются связностью. Связность достигается в первую очередь на основе общности пространственно-временного значения, которое выступает как некий континуум, охватывающий последовательно происходящие события. Связность усиливается наличием денотативно-референтивных элементов в семантической структуре составляющих. Достижение связности предполагает также установление характера отношений между составляющими. Имеются в виду смысловые (логические) отношения, которые отличаются от синтаксических связей. Составляющие всех рассматриваемых здесь СО связаны детерминирующим отношением: наличие аффектного состояния предполагает наличие события-антецедента.

Еще один общий этап в формировании СО — линеаризация, выбор порядка размещения составляющих, который определяется факторами, действующими внутри СО (например, тематически-рематическое членение), и факторами, действующими за пределами СО (подчинение структурно-семантической организации СО «интересам» построения более крупных единиц, составляющих текста). В сочетании предложений, например в процессе линеаризации, на первое место может претендовать любая из двух составляющих: *Der Treiber ... geht zurück und begegnet einem Geldschein. Er claut* (E. Strittmatter). *Er cshämt sich. Das ist das schlechte Gewissen* (J. Becher). В других СО, например в союзном соединительном сложносочиненном предложении, порядок следования составляющих фиксирован: на первом месте стоит составляющая, обозначающая событие-антецедент, на втором — составляющая со значением психического состояния лица.

Этап иерархизации характеризует только некоторые из перечисленных выше СО: сложноподчиненное предложение, предложения с включенными инфинитивными, субстантивными группами. Суть этого процесса в том, что одна из составляющих выдвигается на роль «хозяина» (главного, матричного предложения), а другая — на роль «слуги» (придаточного предложения, включенной группы). Особенностью указанных СО является то, что в них каждая из составляющих, как правило, способна выполнять как одну, так и другую роль. Ср.: *Ich freue mich, daß ich Sie zufällig getroffen habe* (B. Kellermann). *Meine beiden Jungen brachte er mit, worüber ich seelenfroh war* (W. Raabe). Правда, в отвлечении от контекста существует «склонность» составляющих с одним типовым содержанием выступать в одной роли, а составляющих с другим типовым содержанием — в другой. Данная «склонность» нашла свое отражение в синтаксических терминах «прямое (более распространенное и продуктивное) сложноподчиненное предложение» и «обратное, инверсное (менее распространенное и продуктивное) сложноподчиненное предложение» [ср.: 7; 5]. Прямой формой рассматриваемых здесь сложноподчиненных предложений следует признать предложения, в кото-

рых роль главного выполняет составляющая, обозначающая психическое состояние лица. Прямые и обратные формы различаются также в предложениях с включенными именными группами: *Ich bin äußerst erstaunt über seinen unermüdlichen Einsatz. Zu meinem Erstaunen herrschte ein Riesenbetrieb, als ich eintrat* (E. M. Remarque).

Существует взаимосвязь между иерархизацией и линейризацией составляющих. Выбор составляющей со значением психического состояния лица на менее обычную для него роль придаточного предложения, лишает ее возможности занимать первое место в сложноподчиненном предложении, в то время как в прямой форме сложноподчиненного предложения порядок следования составляющих относительно свободен. Ср.: *Es war mir alles so fremd und fern, daß ich erschrak* (H. Böll). (**Daß ich erschrak, war mir alles so fremd und fern*). Но: *Es ärgerte ihn, daß sie nicht kam. Daß sie nicht kommt, ärgert ihn* (Wörter u. Wendungen).

Аналогичная взаимосвязь существует также между процессом конкретизации синтаксической связи, с одной стороны, и процессом достижения связности исходных единиц, установления смысловых отношений между составляющими, иерархизацией и линейризацией, с другой стороны. Достижение связности исходных единиц на основе общности их пространственно-временного континуума, общности денотативно-референтивных элементов в их семантической структуре, наличие детерминирующего смыслового отношения между ними открывает широкий диапазон возможных синтаксических конкретизаций. При выдвижении составляющей со значением психического состояния лица на роль главного предложения между главным и придаточным предложениями может быть установлена изъяснительная, причинная, временная, условная связь: *Es freute sie, daß er kam. Sie freute sich (darüber), daß er kam. Sie freute sich, weil er kam. Sie freute sich, als er kam. Kommt er, so freut sie sich noch mehr*. Выдвижение на роль главного предложения составляющей, обозначающей событие-антецедент, сужает возможности синтаксической конкретизации. Между главным и придаточным предложениями устанавливается следственная связь, присоединительно-пояснительная: *Und ich nahm meine (Hand) so hastig aus der ihren, daß sie erschrak* (H. Böll). *Zugleich sah ich, daß die Hand ... fünf Finger hatte, was mich im höchsten Maße verwunderte* (F. Fühmann).

Сравнивая сложноподчиненное предложение с предложениями, содержащими включенные именные и инфинитивные группы, можно установить, что основополагающим различием между ними является форма составляющих и способ включения иерархически низшей составляющей в высшую. В сложноподчиненном предложении имеется более дифференцированная система средств выражения синтаксической связи между главным и придаточным предложениями по сравнению со средствами выражения связи между матричной и включенной частями в осложненном предложении.

Лишь частичное содержательное совпадение средств связи в этих двух типах сложных образований свидетельствует о том, что две данные системы средств связи существуют параллельно и ни одна из них не должна рассматриваться как производная от другой. Конкретное высказывание в форме сложноподчиненного и осложненного предложений обладают большей или меньшей степенью соотнесенности в зависимости от способа осуществления иерархизации, линеаризации. Предложения *Die Kollegen ärgerten sich, daß er sich verspätete* и *Die Kollegen ärgerten sich über seine Verspätung* отличаются большей степенью соотнесенности за счет одинакового способа иерархизации и линеаризации, чем предложения *Die Kollegen ärgerten sich, daß er sich verspätete* и *Er verspätete sich zum Ärger seiner Kollegen*, в которых на роль «хозяина» и на первое место выдвинуты семантически неоднородные составляющие.

Учет особенностей формирования СО дает возможность объяснить и устранить некоторые разногласия, возникающие при классификации предложений типа *Sie freute sich, als er kam*, которые определяются как дополнительные, причинные или как приближающиеся к причинным [см. 3, с. 324; 2, с. 19—23; 6, с. 172]. При анализе их статуса целесообразно исходить из того, что они представляют собой одну из разновидностей СО, формирующихся на основе одинакового способа достижения связности, и что составляющие всех этих СО, обозначающие последовательно происходящие события, связаны детерминирующим отношением. Благодаря признакам последовательности и детерминированности таким СО присущ оттенок причинно-следственного значения. Однако его не следует отождествлять с синтаксической связью между главным и придаточным предложениями. Последняя базируется на детерминирующем отношении, но конкретнее его.

Когда утверждают, что в предложениях типа *Er war ... vollkommen verlassen, darum, daß er ertappt worden war* (Th. Mann) [2, с. 20] выражена причинная связь, то тем самым еще не доказывается, что союзу *daß* присуще причинное значение. В таких предложениях коррелат образует с союзом единство, выражающее действительно причинное значение. Но этот же союз может входить в состав других единств, которые выражают, например, не только причинные, но и условные и другие отношения: *daher, daß; auf Grund dessen, daß; unter der Voraussetzung, daß*. Сравните также устаревшие единства с этим союзом, имеющие временное значение: *nach dem daz, sit dem male daz, während dessen daß*. Таким образом, приписывание причинного значения союзу *daß* в анализируемых сложноподчиненных предложениях не оправдано.

Расчленение в эвристических целях процесса формирования СО на отдельные этапы позволяет определить характер и степень соотнесенности их отдельных разновидностей, установить их внутренние особенности.

Список литературы: 1. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. — 204 с. 2. Боев О. Д. Некоторые типы сложных предложений, выражающих причинные отношения в современном немецком языке. — Сб. ученых записок Орловского пед. ин-та, фак-та иностр. языков, 1963, т. 17, вып. 2, с. 17—40. 3. Зиндер Л. Р., Строева Т. В. Современный немецкий язык. — М.: Изд-во лит. на иностр. языках, 1957. — 420 с. 4. Сусов И. П. Семантическая структура предложения. — Тула, 1973. — 141 с. 5. Boettcher W. Studien zum zusammengesetzten Satz. — Frankfurt / Main: Athenäum Verlag, 1972. — 207 S. 6. Eichbaum G. N. Zur Einteilung der Nebensätze. — In: Probleme der Sprach-

Поступила в редколлегию 12.11.79.

Е. В. ТАРАСОВА, канд. филол. наук

К СОПОСТАВЛЕНИЮ ГРАММАТИКО-ЛЕКСИЧЕСКОГО МИКРОПОЛЯ БУДУЩЕГО В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ШЕКСПИРА И СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема времени по праву считается одной из центральных не только в естественных науках, но и гуманитарных. Ей посвящена огромная разноречивая литература. Это естественно, поскольку категория времени в различных ее аспектах — историческом, философском, языковом — тесно связана с самой природой художественного творчества.

Согласно основному тезису диалектико-материалистического учения о времени, оно является объективно-реальной формой существования материи. «Материя существует лишь в движении, а движение есть сущность времени. Художественное время — неотъемлемый элемент художественного отражения мира, форма существования сюжета, категория развития действия» [4, с. 14]. Процессу развития присуща связь времен, здесь очень важен принцип историзма: понять любой факт можно лишь, зная его генезис, рассматривая его в качестве результата предшествующего развития. В этой связи все большее значение приобретает категория будущего. Как считают языковеды, рост внимания к категории будущего закономерен. «Будущее связано с одним из ценнейших свойств человеческой личности и человеческих коллективов — со свойством активности. Эта категория привлекает внимание философов, филологов, психологов, о явлении упреждения говорят в кибернетике, усиленно обсуждаются вопросы прогнозирования в социальных и, в частности, экономических науках» [1, с. 68]. Будущее, с нашей точки зрения, есть именно философская категория, так как характеристика реальных потенций развития имеет всеобщее значение.

Передача понятия футуральности в английской художественной литературе является предметом исследования в настоящей статье. Непосредственным объектом наблюдений служит грамматико-лексическое микрополе будущего времени, которое уже было рассмотрено нами с достаточной обстоятельностью [3], что позволяет в данной статье ограничиться лишь напоминанием, что ГЛМП — это абстрактная модель, имеющая своей целью дать наглядное представление о совокупности разноуровневых средств выражения данного инвариантного значения и связывающей их сети взаимоотношений.

В настоящее время в центре нашего внимания — диахронический аспект проблемы выражения будущего в английском языке. Грамматико-лексическое микрополе фигурирует в качестве единицы сопоставительного анализа. В данной статье мы ограничились своей задачей сопоставительным рассмотрением лишь двух крайних точек 500-летнего периода развития этого явления в английской художественной литературе — выборка включает две тысячи примеров из произведений В. Шекспира (XVI в.) и 10 тыс. случаев выражения

футуральности из современной художественной прозы (по 2500 для британского, американского, канадского и австралийского подъязыков). Мы понимаем что для полного описания изучаемой микро-системы необходим подробный анализ также и промежуточных звеньев, т. е. привлечение фактического материала XVII—XIX вв., что, несомненно, позволило бы сформулировать более четкие тенденции и закономерности в эволюции ГЛМП будущего. Это должно стать предметом нашего дальнейшего исследования.

Сравнительные количественные данные (в %), иллюстрирующие функционирование конститuentов рассматриваемого микрополя в языке Шекспира и произведениях XIX в., приведены в таблице.

Конститuentы ГЛМП	Худож. лит. XVI в.	BE XX в.	AE XX в.	CE XX в.	АнЕ XX в.
The Future Non-Continuous Non-Perfect	40,9	50,17	42,01	40,79	40,05
The Future Continuous Non-Perfect	—	0,61	1,21	0,67	1,4
The Future Non-Continuous Perfect	—	0,04	—	—	—
Транспонированное настоящее Императив	5,0	4,21	5,88	5,64	4,73
Сослагательное наклонение	39,5	11,21	12,05	20,32	17,41
Going + инфинитив	5,0	4,77	2,61	4,81	2,79
Другие грамматико-лексические конструкции	—	3,51	15,41	3,28	5,26
Модальные глаголы	0,5	3,73	4,18	2,13	4,34
Инфинитивный атрибут	6,5	13,81	10,03	9,65	16,39
Глаголы с футуральной ориентацией	0,85	—	—	—	—
Существительные с футуральной ориентацией	1,45	5,8	5,63	6,35	6,67
Глагольные фразеологические единицы	0,3	0,63	0,26	0,79	0,48
Макроконтэкстуальные средства	—	1,01	0,51	0,29	0,36
Лексические индикаторы	—	0,15	0,3	0,2	—
	—	0,04	—	—	—

Прежде чем приступить к собственно сопоставительному анализу, позволим себе сделать несколько предварительных замечаний относительно инвентарного состава компонентов микрополя в XVI в.

Исследуя средства, сигнализирующие будущее в драматургии Шекспира, мы обнаружили ряд форм, совершенно неприемлемых для современного английского языка, среди них, в частности, своеобразные структуры с shall/will типа

"I'll to the king; and signify to him
That thus I have resign'd to you my charge" (King
Richard the Third).

"Shall we to the court?" (Hamlet).
"... I have in quick determination

Thus set it down: he shall with speed to England,
For the demand of our neglected tribute" (Hamlet).

В подобных примерах мы имеем дело со структурами, в которых правосторонняя инфинитивная связь, обязательная для современного языка, не реализуется. Как правило, значение будущего в предложениях этого типа переплетается со значением направленного движения, причем смысловой глагол в данном случае не только отсутствует в непосредственном микроконтексте, но не восполняется также и из общего ситуативного контекста. Косвенным указателем на наличие содержания движения является предлог направления — в большинстве случаев *to*, гораздо реже *-in, away, out*:

"And when I have my need, I will away;
For this will out, and here I must not stay" (King Richard the Third).

"O, let me see't! I'll in, I'll in.
Follow your friend's counsel. I'll in" (The Merry Wives of Windsor).

Подобного рода случаи составляют 3,5% от общего числа структур с *shall/will* в литературе XVI в.; в настоящее время данные формы как конstituенты микрополя будущего не фигурируют.

Далее, если сделать оговорку, что «будущее» мы уточненно понимаем как «последующее действие», то к конститuentам рассматриваемого микрополя следует отнести и такой способ выражения футуральности, как **инфинитивный атрибут** с футуральной ориентацией, т. е. инфинитив в постпозиции к существительному, несущий значение последующего действия: "My lord, I have news to tell you" (Hamlet). "Well, I will look further into't, and I have a disguise to sound Falstaff" (The Merry Wives of Windsor). "Sir, there is a fray to be fought between Sir Hugh the Welsh priest and Cains the French doctor" (The Merry Wives of Windsor).

"—What canst thou swear by now?
— The time to come" (King Richard the Third).

Цифровые данные свидетельствуют о том, что распространенность подобных случаев в XVI в. невелика (0,85%), но принадлежность их к данному грамматико-лексическому микрополю не вызывает сомнений.

В целом же развернутый сопоставительный анализ ГЛмП будущего в художественной литературе XVI и XX вв. позволяет говорить об известной стабилизации компонентов микрополя. Проанализировав приведенные в таблице данные, мы можем констатировать, что уже к XVI в. средства выражения футуральности представляли собой сложившуюся, достаточно устойчивую систему, иными словами, уже в этот период состав и структура рассматриваемого микрополя в основном стабилизировались. Однако в пределах этой в целом устойчивой системы следует выделить известные расхождения между указанными микросистемами, как количественные, так и качественные.

Среди первых следует прежде всего отметить полное отсутствие в пьесах Шекспира форм the Future Continuous Non-Perfect и the Future Non-Continuous Perfect, которые в XX в. все же получают некоторое, хотя и незначительное, распространение. Употребление транспонированного настоящего как в простых и главных, так и в придаточных предложениях находится на приблизительно одинаковом уровне в языке XVI в. и в наши дни. Формы сослагательного наклонения несколько преобладают у Шекспира, особенно по сравнению с современной литературой США и Австралии. Что же касается императива, то его удельный вес в XVI в. резко контрастирует с современным использованием в художественной прозе, превышая его в британской подсистеме в 3,5 раза (39,5% : 11,2%). Предложения в повелительном наклонении у Шекспира чрезвычайно многообразны семантически. Побуждение к действию в его пьесах «...охватывает широкую гамму оттенков от категорического приказа и запрещения до мольбы, носящей эмоциональный характер. Между этими полярными значениями располагаются указания, созеты более нейтрального характера» [2, с. 147]. Фактически императив в языке Шекспира оказывается вторым по частоте использования компонентом микрополя, далеко опережая в этом смысле прочие структуры. Мы пока затрудняемся дать удовлетворительное объяснение данному явлению; можно лишь предположить, что обилие повелительных предложений у Шекспира объясняется характером жанра исследуемых художественных произведений — драмы.

Сопоставление лексических элементов, используемых для отношения к сфере будущего действия, выраженного последующим инфинитивом, показывает заметное возрастание их роли в литературе XX в. по сравнению с шекспировским периодом. Количественный сдвиг наиболее заметен в употреблении модальных глаголов (которое в британской подсистеме, например, возросло более, чем в два раза) и глаголов футуральной ориентации.

Но, пожалуй, наиболее значительные количественные различия наблюдаются в лексико-грамматическом секторе ГЛМП. Так, обнаруживается, что употребление грамматико-лексических конструкций, столь привычных для художественной прозы XX в., у Шекспира при всей образности и богатстве его языка еще не получили распространения. Даже чрезвычайно популярная *Going + Infinitive*, которая в настоящее время считается одним из основных способов передачи данного инвариантного значения (в американской художественной прозе эта конструкция является второй по частотности после доминанты микрополя с удельным весом 15,4%), в исследованном материале XVI в. не встретила ни разу. По-видимому, последующая эволюция *Going + Infinitive*, как и становление других конструкций и связанная с этим семантическая дифференциация понятия будущего, свидетельствует о постоянном развитии и совершенствовании механизма языка, возникновении в нем новых форм, способных передавать все более тонкие нюансы содержания.

Объектом особо пристального внимания в данной работе является доминанта ГЛМП будущего — the Future Non-Continuous Non-Perfect. Если с количественной точки зрения расхождений между исследуемыми микрополями практически не наблюдается, т. е. употребительность данной граммы в английской художественной прозе наших дней остается на том же уровне, что и в драматургии Шекспира (см. таблицу), то качественные сдвиги в ее функционировании представляются весьма существенными. Так, качественное своеобразие формам с shall/will в XVI в. придает возможность их употребления при отсутствии правосторонней инфинитивной связи, о чем уже сказано выше. Был проделан также компонентный анализ с целью выяснения соотношения модальных и темпоральных семем в семантической структуре the Future Non-Continuous Non-Perfect. По нашим данным, из всех случаев употребления форм с shall/will в шекспировской драме 42,46% приходится на долю так называемого «модально окрашенного будущего», где на временную семему «будущее» накладываются различные модальные оттенки, такие как «обещание», «желание», «намерение», «приказание с оттенком угрозы» и др.:

"His majesty hath strictly given in charge
That no man shall have private conference of what degree
soever with your brother" (King Richard the Third).
"Well your imprisonment will not be long
I will deliver you, or else lie for you" (King Richard the Third).
"And thou shalt live in this fair world behind
Honored, below'd" (Hamlet).

В XX в. (мы располагаем лишь предварительными данными по британской разновидности английской прозы) это соотношение изменяется и составляет приблизительно 1 : 10 в пользу случаев, где shall/will являются свободными от какой бы то ни было модальной коннотации и выражают объективное будущее. Полученные результаты, таким образом, свидетельствуют о растущей объективизации будущего, выражаемого данной структурой, что характерно для литературы XX в.

Изложенное выше позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Структура ГЛ микрополя будущего обнаруживает наряду с устойчивостью основных элементов в диахронии определенные количественные и качественные сдвиги, свидетельствующие о развитии и совершенствовании английского языка.

2. Что касается доминанты микрополя the Future Non-Continuous Non-Perfect, то методом компонентного и контекстуального анализа удалось обнаружить тенденцию к объективизации будущего, выражаемого этой граммой. Субъективная окраска, которая в той или иной мере накладывается на временное значение shall/will + инфинитив, объясняется, несомненно, самой природой буду-

щего в английском языке, которое тесно переплетается с модальностью.

3. Усиление объективизации *shall/will* + инфинитив и расширение наряду с этим инвентаря и удельного веса грамматико-лексических конструкций, в частности становление *Going + Infinitive*, приводят в литературе XX в. ко все более тонкой и разнообразной дифференциации форм будущего.

4. Широкое распространение *Going + Infinitive* — явление сравнительно позднее. Можно предположить, что *Going + Infinitive*, как и другие грамматико-лексические конструкции, получившие в XX в. значительное распространение, возникли, чтобы восполнить пробел, образовавшийся в английском языке ввиду отсутствия в нем форм, передававших преемственную связь настоящего и будущего. Грамматико-лексические конструкции с футуральной ориентацией взяли на себя эти функции аналогично тому, как форма *the Present Perfect* возникла в системе прошедших времен как средство выражения преемственности между прошедшим и настоящим.

5. Изложенные выше наблюдения над изменениями, произошедшими в структуре ГЛМП будущего в художественной литературе XX в. по сравнению с шекспировской эпохой XVI в., отражают в целом некоторое фундаментальное качество развития языка, а именно, внутренне присущее ему постоянное противоречие, противоборство между тенденциями стандартизации и дифференциации, которое на каждом этапе его эволюции находит выражение в появлении новых структур, а также семантических и других видоизменений ранее существовавших форм.

Список литературы: 1. Аскин Я. Ф. Категория будущего и принципы ее воплощения в искусстве. — В кн.: Ритм, пространство и время в литературе и искусстве / Под ред. Б. Ф. Егорова и др. — Л.: Наука, 1974, с. 67—73. 2. Молчанова Г. П. Некоторые особенности семантики императивных предложений. — Грамматические и лексикосемантические исследования в диакронии: Межвуз. сб. Калинин, 1976, вып. 4, с. 142—150. 3. Тарасова Е. В. Грамматико-лексическое микрополе будущего в английском языке: Дис. ...канд. филол. наук. — Киев, 1976. — 150 с. 4. Тураева З. Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное. — М.: Высш. школа, 1979. — 219 с.

Поступила в редколлегию 12.11.79.

А. И. ТИМОФЕЕВА

СОКРАЩЕНИЕ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ОБРАЗОВАНИЯ НЕМЕЦКИХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ТЕРМИНОВ

На современном этапе развития специальной лексики наряду с созданием терминов на базе национальных языков и заимствований широко используются сложносокращенные термины.

Проблема сокращений как специфического языкового явления и проблема своеобразие и специфики сокращений в современных языках привлекают

внимание многих лингвистов. К числу наиболее обстоятельных трудов по вопросам сложносокращенных терминов следует отнести работы Д. И. Алексеева [1], В. В. Борисова [4] и других советских ученых.

О распространенности и продуктивности лексических аббревируемых единиц в современном немецком языке свидетельствуют работы и советских и зарубежных лингвистов [см. 3; 9; 10; 12]. Однако они не касаются вопроса сложносокращенных терминов в немецкой железнодорожной терминологии. Представляется целесообразным показать в данной статье место этих терминов в словарном составе современного немецкого языка и определить их структурно-семантические особенности как слов нового типа.

В исследованиях, посвященных проблеме аббревиации, содержится много спорных и противоречивых утверждений: одни языковеды [см. 6; 11] рассматривают сложносокращенные термины как новый этап в развитии словарного состава, другие [см. 13; 14] считают многие сокращения злом, так как они якобы непонятны и засоряют литературный язык. Но критерий «непонятности» вряд ли убедителен, так как сокращения, бесспорно, объективный языковой факт, а объективно существующее явление, как учит марксистско-ленинская диалектика, не может не быть закономерным.

Позиция отдельных лингвистов в отношении сокращений очень удачно охарактеризована Д. И. Алексеевым, который отмечает, что «некоторые филологи не считают распространение аббревиации в русском языке объективной закономерностью, поэтому они ищут, естественно, не столько причины, сколько виновников появления новых сокращений, и приписывают их создание обычно неким канцеляристам, не обладающим элементарным языковым вкусом» [2, с. 82]. Хотя это замечание высказано по отношению к русскому языку, оно носит более широкий характер и касается аббревиации как лингвистической проблемы.

Основными факторами образования сокращений в различных языках, в частности в немецком, следует считать экстралингвистические факторы. Анализ исследованного материала позволяет констатировать интенсивное образование сокращений и в современной немецкой железнодорожной терминологии: так, в словаре 1884 г. [7] сокращенные термины не зарегистрированы вообще, в словаре 1957 г. [5] их зафиксировано 1042, а в словаре 1977 г. [8] — уже 1566.

Общепринятым и традиционным стало деление всех сокращений на графические и лексические.

Под **графическими сокращениями** понимаются сокращения, употребляющиеся только в письменной речи. Обязательное условие для них — использование на первом месте начальной буквы сокращенного слова или словосочетания. Графические сокращения можно разделить на окказиональные (текстовые) и стандартные (общепринятые). В статье будут рассматриваться только стандартные сокращения, так как текстовые не имеют социальной значимости.

Исследования языкового материала показали, что стандартные графические сокращения, зарегистрированные в словаре [8], различны по своей структуре и семантике. По своей структуре они могут состоять из:

1) начальной буквы: а) однословного термина: M Meldung — *извещение, оповещение; сигнализация*; N [Nachahmer] — *подражатель, контрольный сигнал*; б) сложного термина: D [Dieselmotor] — *дизель*; M [Magnetschalter] — *электромагнитное реле*; в) термино-

логического словосочетания: E [elektrische Lokomotive] — *электро-
воз*; A [Abstand der Drehzapfen] — *расстояние между шкворнями*;

2) начальных букв компонентов: а) сложного термина: BR [Baureihe] — *серия* (локомотива); BW [Bogenweiche] — *стрелоч-
ный перевод в кривой*; б) терминологического словосочетания: DAB [Dauerbetrieb mit Aussetzen der Belastung] — *длительная эксплуа-
тация с периодической нагрузкой*; EW [einfache Weiche] — *простой
стрелочный перевод*;

3) первой части простого термина: Sperr [Sperrung] — *заккрытие*
(перегона); замыкание; Kap [Kapazität] — *пропускная способность*;

4) первой части компонентов сложного термина: Sipo [Sicherheits-
posten] — *сигнальный пост*; Trafo [Transformator] — *трансфор-
матор*;

5) букв вместо префикса или предлога: üdM [über dem Meeres-
spiegel] — *выше уровня моря*; Vlok [Vorspannlokomotive] — *веду-
щий локомотив при двойной тяге*;

6) начальных согласных компонентов сложного термина: Tkm [Tarifkilometer] — *тарифный километр*; Ntkm [Nettotonnenkilome-
ter] — *тоннокилометр нетто*;

7) начальной и конечной частей термина: Dfk [Drahtfunk] — *проводное радиовещание*; Dmr [Durchmesser] — *диаметр*.

Анализ фактического материала [8] показывает, что самой рас-
пространенной является группа графических сокращений «началь-
ные буквы компонентов сложного термина». Так, из 1566 графиче-
ских сокращений, зарегистрированных в словаре [8], они состав-
ляют 29%.

Классификация лексических сокращений крайне затруднена
спецификой их структуры, большой вариантностью, возможно-
стью взаимодействия между различными способами аббревиации,
а также между аббревиацией и другими способами словообразо-
вания.

Все немецкие железнодорожные лексические сокращения можно
разделить на образованные путем опущения цельнооформленных
элементов и путем морфологических преобразований. К первым
можно отнести такие сокращения, как Lader — Ladeanlage — *по-
грузочное устройство*, зарядное устройство; Rangierer — Rangier-
arbeiter — *работник маневровой службы*. Вторые характеризуются
разрушением традиционно использующихся в языке корневых мор-
фем. Спецификой таких сокращений является наличие в их составе
фрагментов слов, которые не совпадают ни с морфемами, ни со сло-
гами. Анализ фактического материала позволил классифициро-
вать все морфологические сокращения немецкой железнодорожной
терминологии по трем группам: 1) усечения; 2) инициальные сокра-
щения (аббревиатуры); 3) сокращения смешанного типа.

1. **Усечения**, или контрактуры, образуются путем усечения ка-
кой-либо части слова-термина или терминологического словосоче-
тания. В результате анализа фактического материала удалось вы-
делить в этой группе четыре типа:

а) усечение основного определяемого компонента сложных терминов: Gleis — Gleisbahn — *рельсовый путь*; Bahnhofsblock — Bahnhofsblockanlage — *станционная блокировка*. Эллипсисы данного типа обладают словообразовательной способностью: Bahngleis — *железнодорожный путь*; Gleisschwelle — *шпала*;

б) усечение определяющего компонента: Bahn — Eisenbahn — *железная дорога*; Spur — Gleisspur — *рельсовая колея*. В контексте или ситуации эти лексические единицы дублируют друг друга. Из сложных слов образуются усеченные слова, которые в языковом окружении могут выступать как варианты эллипсиса:

Gleisbaumaschine → Gleis; Baumaschine
Bahngleis → Bahn; Gleis

в) усечение среднего компонента сложного термина: Bahnfahrlleitung — Bahnleitung — *контактная сеть, контактный провод*; Bahnstrombelastung — Bahnbelastung — *тяговая нагрузка*. Одновременное усечение определяющего и определяемого компонентов в немецком языке встречается редко, в частности, в немецкой железнодорожной терминологии лексические сокращения этого типа не зарегистрированы;

г) усечение заимствованных компонентов. В процесс эллиптического терминообразования вовлекаются заимствованные компоненты, из которых образуются эллипсисы, например: Turbolok — *турбовоз*; Elektrolok — *электровоз*. Подобные интернационализмы особенно удобны и целесообразны в целях стандартизации.

2. **Инициальные аббревиатуры** классифицируются по способу их произнесения, т. е. по их фонетической структуре. Обычно выделяют три типа таких сокращений:

а) буквенные аббревиатуры, произносящиеся как совокупность алфавитных названий букв, входящих в их состав: SZD [Sowjetische Eisenbahnen] — *Советские железные дороги*; EVB [elektrische Vorortbahnen] — *электрифицированные пригородные железные дороги*;

б) звуковые аббревиатуры, которые произносятся не по алфавитным названиям отдельных букв, входящих в их состав, а как обычное слово: FET [Far East Time] — *дальневосточное поясное время*; LOWA [Volkseigene Betriebe für Lokomotiv- und Waggonbau] — *Народные предприятия локомотиво- и вагоностроения (ГДР)*. Сокращения этого типа обычно называются акронимами. Явление акронимии получило исключительно широкое распространение в современных языках;

в) буквенно-звуковые аббревиатуры, в произнесении которых сочетаются оба указанных выше способа. Следует отметить, что этот способ для немецкого языка, в частности для немецкой железнодорожной терминологии, не характерен, поэтому в данной статье он рассматриваться не будет.

3. К морфологическим сокращениям смешанного типа относятся следующие:

а) сокращения, образованные путем одновременного применения усечения и инициальной аббревиации: geü [Gelbüberwacher] — *реле контроля желтого огня* (светофора); Lokbf [Lokomotivbahnhof] — *станция депо*;

б) частично сокращенные слова, являющиеся результатом взаимодействия аббревиации со словосложением и образующиеся из усеченного элемента и полнозначного слова: Monoblock — *моноблок*. Данная усеченная морфема служит источником целого ряда железнодорожных терминов: Monoblockbau — *моноблочная конструкция*; Monoblockherzstück — *моноблочная крестовина*.

Исследование фактического материала показало, что для железнодорожных сокращений особенно характерны явления синонимии и полисемии. Примерами синонимии могут служить такие сокращения, как Si, S, Sig — Signal и Tfz + km, Tf + km — Triebfahrzeugkilometer (*пробег тяговой единицы в километрах*). Большое количество синонимов дают усечения одного из компонентов сложного термина: Eisenbahn — Bahn — *железная дорога*; Elektrostapel **wagen** — Elektrostapler — *электропогрузчик*, *электроштабелер*; Elektrolaufkatze — Elektrokatze — *электроприводная крановая тележка*, *электроталь*.

Явление полисемии в сфере графических сокращений можно проиллюстрировать на следующих примерах: сокращение Р может заменять такие железнодорожные сложные термины и терминологические словосочетания, как Personenzug — *пассажирский поезд*; Personenzuglokomotive — *пассажирский локомотив*; punktförmige Einwirkung auf Triebfahrzeuge — *точечное воздействие на тяговый подвижной состав* и др., а сокращение F может выражать также целый ряд терминов: Fahrstraße — *маршрут*; Fahrstraßen-signalsteller — *маршрутно-сигнальное реле*; Fernschnellzug — *скорый поезд дальнего следования* и др.

Исследование немецких железнодорожных сокращений позволяет сделать следующие выводы: возникновение и становление аббревиации как словообразовательного способа — это лишь один из элементов той системной совокупности преобразований, которые претерпевает язык на современном этапе своего развития; данный способ словообразования является продуктивным на современном этапе развития немецкой железнодорожной терминологии.

Список литературы: 1. Алексеев Д. И. Аббревиатуры как новый тип слов. — В кн.: Развитие словообразования совр. рус. языка / Под ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелева. — М.: Наука, 1966. — 211 с. 2. Алексеев Д. И. Словообразование современного русского литературного языка. Русский язык и советское общество / Под ред. М. В. Панова. — М.: Наука, 1968. — 186 с. 3. Балин Б. М., Тогоунов Б. М. Терминологические сокращения. — Учен. зап. каф. нем. яз. Калинин. пед ин-та, 1970, с. 140—145. 4. Борисов В. В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках / Под ред. проф. А. Д. Швейцера. — М.: Воениздат, 1972. — 320 с. 5. Бунин Д. А., Данилюк Г. И. Немецко-русский железнодорожный словарь. — М.: Гостехиздат, 1957. — 531 с. 6. Виноградов В. В. Великий русский язык. — М.: Гослитиздат, 1945. — 172 с. 7. Воско П. Железнодорожный немецко-французско-русский словарь. — Спб., 1884. — 691 с.

8. Немецко-русский железнодорожный словарь / Под ред. Н. Фридмана. — М. : Рус. язык, 1977. — 736 с. 9. Павлов Г. В. Функционирование сокращений в современном немецком языке (Номенклатурные и речевые сокращения): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М. : 1970. — 23 с. 10. Розен Е. В. Новые аббревиатурные слова в современном немецком языке. — Иностр. языки в школе, 1969., № 3, с. 27—31. 11. Pyles T. The origins and development of the English language. — N. Y., 1968. — 289 p. 12. Schippan T. Zur Bildung des Kurzwortes in der deutschen Sprache. — Deutschunterricht. Berlin, 1963, H. 10, S. 539—545. 13. Schmidt W. Deutsche Sprachkunde. Berlin, Volk und Wissen volkseigener Verlag, 1968, S. 133—137. 14. Hofrichter W. Zu den Abkürzungen in der deutschen Sprache der Gegenwart. — Sprachpflege, 1974, H. 4, S. 65—69.

Поступила в редколлегию 06.05.80.

Р. Г. ТКАЧЕНКО, канд. филол. наук

СДВИГИ В РАСПОЛОЖЕНИИ КОМПОНЕНТОВ ПРЯМОЙ РЕЧИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ XVIII—XX вв.

Хотя проблема расположения компонентов синтаксической конструкции прямой речи (авторского ввода и прямого высказывания) на материале различных языков неоднократно привлекала внимание исследователей [см. 7, с. 63; 1, с. 45; 3, с. 39; 4, с. 18—20; 5, с. 81; 8, с. 339], целый ряд аспектов этого сложного вопроса, в частности определение позиций и изменения в характере их соотношения, освещены недостаточно.

Анализ большого числа синтаксических конструкций прямой речи привел нас к выводу о том, что при определении позиций ее компонентов нужно учитывать синтаксическую характеристику прямого высказывания, которая накладывает определенные ограничения на возможности использования тех или иных позиций авторского ввода.

Для конструкции прямой речи, в состав которой входит простое, т. е. представленное одним предложением прямое высказывание [4, с. 6], мы различаем следующие пять позиций: 1) препозицию, при которой авторский ввод предшествует прямому высказыванию; 2) постпозицию, при которой авторский ввод следует за прямым высказыванием; 3) интерпозицию, при которой авторский ввод разрывает прямое высказывание; 4) аутпозицию, при которой разрываемым компонентом является уже сам авторский ввод; 5) дублинтерпозицию, при которой происходит разрыв как прямого высказывания, так и авторского ввода (см. примеры 1—5): 1. He said, "You know about that?" (G. Greene. The Quiet American, p. 85). 2. "What don't I care about?" I asked Norah (J. Braine. Life at the Top, p. 123). 3. "I shall see this man," said Soames sullenly, "and warn him off". (J. Galsworthy. To Let, p. 163). 4. Then he said, "I'll race you," huskily and ran after her (R. P. Warren. All the King's Men, p. 117). 5. a) "All right," he said feebly, "I'll stay," and he sank back into the chair, just full of tea and miserable (S. Leacock. The Awful Fate of Melpomenus Jones, p. 24); b) Then with a knowing smile, "That reminds me," Anthony added, "I ought to have congratulated you on being our future president." (A. Huxley, Eyeless in Gaza, p. 91).

Для авторского ввода при сложном прямом высказывании, т. е. прямом высказывании, представленном сложным синтаксическим целым, выделяются шесть возможных положений авторского ввода, так как к перечисленным позициям добавляется квазиинтерпозиция, при которой авторский ввод появляется в постпозиции по отношению к первому предложению прямого высказывания и имплицитно вводит его вторую часть: "Oh, I wouldn't put it like that", said Emma cosily. "Now, do sit down, dear boy, and stop making me nervous. You haven't touched your drink." (I. Murdoch. An Unofficial Rose, p. 173).

Соотносительные позиции авторского ввода и прямого высказывания не подвергались количественному анализу ни в синхронии, ни в диахронии. Отдельные замечания, касающиеся преобладания тех или иных позиционных моделей компонентов синтаксической конструкции прямой речи в современном английском языке, не подкреплены никакими статистическими данными и нередко противоречат друг другу. Так, М. В. Лазаркевич считает наиболее обычной позицией авторского ввода постпозицию [2, с. 40], М. С. Полташевская — препозицию [6, с. 5], М. Минков и В. Шаренков — интерпозицию [9, с. 389], а Р. Скелтон, отмечая преобладание интерпозитивных и препозитивных авторских вводов, не дифференцирует их [10, с. 121].

Чтобы установить закономерности в употреблении различных позиций авторского ввода в синхронии и в диахронии, нами было исследовано более 8000 примеров из произведений 42 английских авторов XVIII, XIX и XX вв. Для каждого столетия позиции авторского ввода при простых и сложных прямых высказываниях рассматривались отдельно. Результаты исследования приводятся в таблице.

Соотношение различных позиций авторского ввода в XVIII—XX вв.

Структурный тип прямого высказывания	Век	Позиция авторского ввода, %					
		препозиция	интерпозиция	постпозиция	квазиинтерпозиция	аутпозиция	дублинтерпозиция
Простой	XVIII	20	63	14	—	2	1
	XIX	11	32	54	—	2	1
	XX	10	15	73	—	1,6	0,4
Сложный	XVIII	18	64	0,3	15	0,3	1,5
	XIX	10	38	0,7	51	0,3	0,1
	XX	9	14	0,8	75	0,3	0,3

Как явствует из таблицы, в произведениях авторов XVIII в. (выборка в 2400 единиц) в 63% случаев авторский ввод находится в интерпозиции по отношению к прямому высказыванию. На втором месте препозитивный авторский ввод — 20%. Постпозиция употреблена в 14% случаев. Удельный вес аутпозиции и дублинтерпозиции незначителен — вместе они составляют 3%.

Показательно, что при сложном прямом высказывании частотность препозиции, интерпозиции, аутопозиции и дубльинтерпозиции практически полностью совпадает с частотностью соответствующих позиций авторских вводов, вводящих простые прямые высказывания. Однако постпозиция встречается здесь как исключение (0,3%). В 15% случаев употребляется квазиинтерпозиция.

В XIX в., представленном в таблице выборкой в 3000 конструкций прямой речи из произведений 15 авторов, соотношение позиций меняется. Более чем в половине случаев при простом прямом высказывании теперь употребляется постпозиция (54%), при сложном — квазиинтерпозиция (51%). Их частотность по сравнению с XVIII в. возросла в 4 раза для постпозиции и в 3,5 раза — для квазиинтерпозиции. На втором и третьем местах соответственно при обоих структурных типах прямого высказывания — вдвое уменьшившиеся в объеме группы интерпозитивных (32 и 38%) и препозитивных (11 и 10%) авторских вводов. Аутопозиция и дубльинтерпозиция, как и в XVIII в., встречаются редко.

XX в. представлен 3000 примерами из произведений 15 авторов. Результаты исследования свидетельствуют, что происходит дальнейшее значительное сокращение употребительности интерпозитивных авторских вводов за счет роста постпозиции и квазиинтерпозиции. В настоящее время интерпозиция, которая в XVIII в. была наиболее частой позиционной моделью авторского ввода, обнаруживается в 14—15% случаев. Ее удельный вес уменьшается более чем в два раза по сравнению с XIX и в четыре раза по сравнению с XVIII в. Еще более значительные количественные изменения отмечаются в сфере постпозитивных и квазиинтерпозитивных авторских вводов, которые встречаются в 73—75% случаев, что в пять раз превышает частотность этих же позиций в XVIII в. и в пять раз превосходит употребительность современных интерпозиции и препозиции. Аутопозиция и дубльинтерпозиция, как и в предыдущие два столетия, встречаются крайне редко.

Таким образом, как показывают данные анализа, на протяжении всего изучаемого периода (XVIII—XX вв.) в качестве основных позиций авторского ввода выступают: а) при простых прямых высказываниях — препозиция, постпозиция, интерпозиция; б) при сложных прямых высказываниях — препозиция, интерпозиция, квазиинтерпозиция. Однако в характере их соотношения произошли значительные изменения, которые сводятся к следующему. 1. Интерпозиция, которая в XVIII в. была основной позицией авторского ввода, в XX в. оттеснена на последнее место. Частотность ее уменьшилась почти в пять раз. 2. С другой стороны, постпозиция и квазиинтерпозиция, которые в XVIII в. встречались лишь соответственно в 14—15% случаев, т. е. были наименее употребительными, в XX в. стали преобладающими. Их частотность увеличилась в пять раз. 3. Сокращение удельного веса препозиции, наблюдаемое в XIX в., в настоящее время прекратилось.

Весьма показательно, что для динамики препозиции и интерпозиции характер прямого высказывания оказался нерелевантным и можно отметить практически одинаковые сдвиги для каждой из этих позиций авторского ввода на протяжении последующего периода.

Принципиально иным оказывается использование постпозиции, частотность которой для сложного прямого высказывания на протяжении всех трех столетий оказалась настолько незначительной, что ею можно пренебречь. В то же время авторские вводы при сложных прямых высказываниях обнаруживают стремительное тяготение к позиции, названной нами квазиинтерпозицией, частотность которой, как и можно было предположить, совпадает с постпозицией в конструкциях прямой речи при простых прямых высказываниях. По-видимому, есть основания констатировать закрепление относительно новых для XVIII в. позиций (постпозиции и квазиинтерпозиции) за определенными типами прямой речи и их стремительный рост на протяжении рассматриваемого периода.

Перестройка позиций авторского ввода, наблюдаемая на протяжении XVIII—XX вв., свидетельствует о противоборстве двух тенденций: к дистантности в расположении компонентов простого прямого высказывания и к их контактности. Тенденция к контактности компонентов прямого высказывания, представленного одним предложением, к более тесному соположению синтаксически и коммуникативно связанных компонентов целого (т. е., в нашем случае, компонентов конструкции прямой речи) отчетливо выдвигается на роль ведущей.

Следует отметить расхождение в характере соотносительных позиций авторского ввода и прямого высказывания в устной и письменной речи в современном английском языке. В письменной речи авторский ввод может занимать шесть позиций. В устной речи, как показал анализ речи десяти информантов — англичан с высшим образованием, практически используется одна позиция авторского ввода — препозиция. Удельный вес препозиции в письменной речи в настоящее время, как было показано, составляет 10%. В устной речи ее частотностью — 95%.

Список литературы. 1. *Кодухов В. И.* Прямая и косвенная речь в современном русском языке. — Л.: Учпедгиз, 1957. — 84 с. 2. *Лазаркевич М. В.* Порядок слов в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1953. — 185 с. 3. *Муха Р. Г.* Про відносне розташування авторського вводу і висловлювання. — Вісн. ХДУ. Іноземні мови. Харків, 1966, вип. 1, с. 34—38. 4. *Ткаченко Р. Г.* Синтаксические конструкции прямой речи в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Киев, 1978. — 28 с. 5. *Песенко Н. Б.* Репрезентирующий элемент прямой речи. — Вопросы англ. филологии и методики преподавания англ. языка. Ростов н/Д, 1972, вып. 2, с. 79—84. 6. *Полташевская Е. С.* Особенности употребления видовременных глагольных форм в несобственно-прямой речи в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Львов, 1970. — 24 с. 7. *Чумаков Г. М.* Синтаксис конструкций с чужой речью. — Киев: Вища школа, 1975. — 220 с. 8. *Michel G.* Sprachliche Bedingungen der Wortwahl. — Zeitschrift für Phonetik Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. Berlin, 1966, Bd 19, Heft 4/5, S. 339—364. 9. *Minkoff M., Sharenkov V.* An English grammar. — Sofia, 1950. — 389 p. 10. *Skelton K.* Modern English punctuation. — Lnd, 1949. — 205 p.

Поступила в редколлегию 26.11.79.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОЦЕССОВ ПОРОЖДЕНИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ДИАЛОГЕ И МОНОЛОГЕ

Устное речевое общение осуществляется в двух формах — диалогической и монологической, — каждая из которых имеет свои психологические и лингвистические особенности. Наиболее распространенным является определение диалога как «общения двух или нескольких человек, в котором каждое высказывание непосредственно адресовано собеседнику» [2, с. 98]. Монолог определяется как «речь одного лица, выражающего в более или менее развернутой форме свои мысли, намерения, оценку событий и т. д.», [4, с. 115].

Приведенные определения оставляют простор для различной, иногда самой широкой интерпретации понятий «диалог» и «монолог». Выдвигая в качестве основного критерия «обращенность речи к собеседнику», ряд авторов считают диалогом выступления перед аудиторией, перед воображаемым собеседником, по радио, телевидению и т. д. Б. Х. Бражников, например, предлагает относить к диалогическому общению в широком смысле «любую интеркоммуникацию двух лиц или групп лиц», а к монологическому общению — «рефлексивное общение», т. е. речь для себя и про себя [1, с. 73]. В узком смысле он выделяет диалогическую и монологическую формы речи как совокупность средств осуществления этих видов общения.

На крайних позициях стоит С. Ф. Занько, вообще отрицающий существование недиалогической речи. По его мнению, даже роман представляет собой «реплику» в диалоге между писателем и читателем [3, с. 22].

На наш взгляд, такое расширение понятия «диалог» нельзя признать правомерным. В этом толковании смешиваются понятия «диалогическая и монологическая речь» и «обращенное к другому лицу — обращенное к себе» высказывание. Устный монолог, как и устный диалог, имеет коммуникативную направленность, адресован какому-то лицу или группе лиц и произносится с целью воздействия на то или иное лицо или группу в соответствии с коммуникативным намерением говорящего. Критерий «адресованности (обращенности)» не является, таким образом, достаточным для различения двух форм речи.

Не всегда могут служить достаточными и формально-языковые критерии. Длина и развернутость реплик, например, зависит от ситуации общения и темы разговора, взаимоотношений и социального положения собеседников, от наличия или отсутствия фонда общих знаний по предмету беседы и некоторых других факторов. Очевидно, что трудно выделить то граничное число предложений, после которого высказывание перестает быть репликой в диалоге и перерастает в самостоятельный микромонолог.

В естественном общении обе формы речи тесно переплетаются, что позволяет говорить лишь о преобладании черт диалога или монолога в том или ином акте речевой коммуникации, о «диалогах с монологическими вкраплениями» и о «монологах с сопутствующими диалогическими элементами». Выделение диалога и монолога в более или менее чистом виде возможно и необходимо в условиях учебной коммуникации, где формы речи не только являются средствами речевого общения, но и становятся целью обучения [см. 6,

с. 121—122]. Эти положения следует учитывать при определении критериев, совокупность которых позволила бы считать некоторый акт общения диалогом или серией микромонологов и послужила бы достаточным основанием для дифференциации двух форм речевого общения.

Наибольшую значимость для различения двух форм речи в методических целях имеют, по нашему мнению, психолингвистические критерии, которые опираются на особенности процессов порождения высказываний в диалоге и монологе.

Уже на самых ранних этапах речепроизводства выявляются подобные различия. У участников диалога и у лиц, готовящихся произнести монолог, по-разному проходит психологическая ориентация и вырабатывается установка либо на личностно-ориентированное, либо на социально-ориентированное общение (монолог) [см. 1, с. 40—43]. Дальнейший ход внутреннего программирования высказывания в диалогической и монологической речи также не совпадает. Реплика диалогической речи, как известно, присуща значительная степень реактивности, стимулами к высказыванию служат, в основном, внешние факторы — ситуация общения, речевой контекст предыдущих реплик партнера и т. д. В связи с этим возможно свертывание отдельных этапов внутреннего программирования и непосредственный переход от внутриречевого замысла к составлению артикуляционной программы и ее звуковой реализации.

Для стимулов к монологическому высказыванию характерна большая внутренняя опосредованность. Не испытывая обычно такой лимитированности во времени, как участники диалога, говорящий имеет возможность заранее спланировать свой монолог, провести его через все этапы программирования, включая грамматическое структурирование и семантическую развертку замысла во внутренней речи. Нередко в ходе подготовки к монологу используется и внутреннее проговаривание отдельных словосочетаний, предложений или всего высказывания. Именно поэтому монологические высказывания построены, как правило, более последовательно и логично, с использованием более сложных синтаксических структур.

Спонтанный характер диалогической речи приводит к тому, что участники диалога вынуждены программировать ответное высказывание еще в процессе аудирования реплики партнера. При этом они подсознательно избирают облегченные синтаксические структуры, а также употребляют различные заполнители молчания, повторы, паузы обдумывания и т. д. Как свидетельствуют психолингвистические эксперименты, собеседники таким образом несколько разгружают свою оперативную память и добиваются более успешного распределения внимания [см. 5, с. 180—183].

В монологической речи внимание говорящего направлено только на программирование собственного высказывания и контроль за процессом реализации внутриречевого замысла. Подобный контроль носит осознанный характер и позволяет точнее выразить свои

мысли, допустить меньше ошибок, а в случае необходимости и перестроить программу высказывания.

В условиях диалога управление носит двусторонний характер, контролируется и регулируется не только свое высказывание, но и речевое поведение партнера. С этой целью используются прямые обращения, прерывания, переспросы, так называемые «техничко-коммуникативные сигналы» [7, с. 41].

На этапе звуковой реализации диалогическое и монологическое общения различаются не только по характеру управления, но и по способам внешней обратной связи. В диалоге можно непосредственно наблюдать реакцию собеседника в виде мимики и жестов и тут же получить от него вербальное подкрепление этой реакции. Внешняя обратная связь может, таким образом, осуществляться по зрительному и речеслуховому каналам. В монологе данные внешней обратной связи поступают к говорящему, как правило, только по зрительному каналу.

Лингвистические особенности диалогической и монологической речи во многом обуславливаются их психологическими характеристиками, на что справедливо указано в ряде работ [1; 5; 6]. Рассмотрение этих особенностей не входит в задачи настоящей статьи. Укажем только, что степень значимости той или иной лингвистической характеристики может колебаться под воздействием внешних факторов — ситуации общения, эмоционального состояния говорящего, социального статуса собеседников и др.

Результаты сопоставления процессов порождения высказываний в диалоге и монологе показывают, что эти две формы речи различаются в психолингвистическом плане по следующим параметрам: 1) характер психологической ориентации и речевой установки (на личностное или социально-ориентированное общение); 2) степень опосредованности стимулов к высказыванию (внешние — внутренние стимулы); 3) полнота внутреннего программирования (пропуск отдельных этапов в диалоге); 4) распределение внимания (однаправленное или двунаправленное); 5) характер управления (одностороннее или двустороннее); 6) каналы обратной связи (слуховой и зрительный или только зрительный). Совокупность большинства этих параметров дает, по нашему мнению, достаточные основания для отнесения того или иного акта общения к диалогу или монологу.

Список литературы. 1. Бгажноков Б. Х. Психолингвистические проблемы речевого общения : Дис. ... канд. филол. наук. — М. : 1973. — 191 с. 2. Демьяненко М. Я., Лазаренко К. А., Кислая С. В. Основы общей методики обучения иностранным языкам. — Киев : Вища школа, 1976. — 282 с. 3. Занько С. Ф. Основные вопросы лингвистической теории диалога : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Казань, 1969. — 31 с. 4. Общая методика обучения иностранным языкам в средней школе / Под ред. А. А. Миролюбова и др. — М. : Просвещение, 1967. — 356 с. 5. Пименов А. В. Управление собственным речевым действием в диалоге : Дис. ... канд. филол. наук. — М. : 1971. — 234 с. 6. Розенбаум Е. М. Основы обучения диалогической речи на языковом факультете педагогических вузов. — М. : Высш. школа, 1975. — 126 с. 7. Скалкин В. Л. Коммуникативно-информационная структура устного текста и некоторые вопросы обучения устной речи. — Иностр. языки в школе, 1976, № 6, с. 38—43.

Поступила в редколлегию 05.11.79.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОРИЕНТИРОВКИ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ

Экспериментальные исследования [8] показали, что развернутость системы ориентиров при формировании иноязычных грамматических навыков зависит от межъязыковой интерференции. В условиях ограниченной интерференции достаточно высокого уровня усвоения можно добиться даже при ориентировке учащихся только на речевой образец. Однако и в этом случае применение структурно-функциональной модели в качестве дополнительного типа учебной информации существенно повышает эффективность обучения. При усилении интерференции для сохранения высокого уровня усвоения необходимо дополнительное использование алгоритма. Значимость алгоритма начинается с VI типа грамматических явлений в методической типологии [см. 9].

В процессе экспериментального обучения отмечались отличия не только в характере усвоения испытуемых разных вариантов, но и внутри каждого варианта. Последнее не может объясняться различной развернутостью системы ориентиров, так как в пределах одного варианта объем учебной информации был неизменным (в I варианте использовался только речевой образец, во II — образец и модель, в III — образец, модель и алгоритм). По нашим наблюдениям, отличия внутри варианта были связаны с различным уровнем подготовки учащихся. Это позволяет предположить, что объем учебной информации зависит не только от интерференции, но и от подготовленности, так как последняя также может влиять на скорость переноса.

С целью проверки этого предположения мы условно разделили испытуемых каждого варианта обучения на три подгруппы: А — «слабая», Б — «средняя», В — «сильная». В табл. 1 приведены значения K (коэффициент усвоения) каждой подгруппы. K определялся по формуле, принятой в педагогических исследованиях [см. 1]. $K = 0,9$ — $1,0$ соответствует оценке «отлично», $K = 0,8$ — $0,9$ — «хорошо», $K = 0,7$ — $0,8$ — «удовлетворительно».

Таблица 1

Вариант	Тип грамматических явлений								
	II			V			VI		
	Подгруппа								
	A	Б	В	A	Б	В	A	Б	В
I	0,71	0,82	0,98	0,4	0,69	0,96	0,45	0,74	0,91
II	0,86	0,99	1,0	0,83	0,98	1,0	0,61	0,9	1,0
III	0,84	0,93	1,0	0,9	1,0	1,0	0,75	0,97	1,0

Динамика усвоения в подгруппе Б в основном соответствует общим закономерностям. Поэтому мы сосредоточим внимание на особенностях усвоения в подгруппах А и В.

Испытуемые подгруппы А в условиях ориентировки только на речевой образец (I вариант) с трудом достигли удовлетворительного уровня усвоения (0,71) даже в условиях ограниченной интерференции (II тип грамматических явлений). При усилении интерференции

(V—VI типы грамматических явлений) уровень усвоения в I варианте катастрофически снижается (0,40—0,45). Это свидетельствует о том, что работа со «слабыми» учащимися на основе образца в качестве единственного типа учебной информации отличается низкой эффективностью и вряд ли целесообразна.

Применение модели существенно повысило уровень усвоения испытуемых подгруппы А (II вариант). Эффективность усвоения при обучении явлениям II и V типов соответственно составляет 0,86 и 0,83. Однако при дальнейшем усилении интерференции (VI тип грамматических явлений) уровень усвоения испытуемых подгруппы А снижается (0,61) даже в условиях опоры на сочетание «образец — модель». Повысить эффективность усвоения явления VI типа удалось путем дополнительного применения алгоритма (III вариант). В этом случае испытуемые подгруппы А достигли удовлетворительного уровня усвоения (0,75).

Проанализировав различие в усвоении подгруппы А в разных вариантах, можно констатировать, что закономерности, выявленные для групп в целом, справедливы и для «слабых» учащихся. Однако обращает на себя внимание довольно значительное расхождение между II и III вариантами при обучении явлению V типа (0,07). Вычисление коэффициента Стьюдента показало, что разница значений K в этих вариантах существенна. Таким образом, в отличие от групп в целом, граница значимости алгоритма для «слабых» учащихся несколько сдвинута и начинается с явлений V типа. Вероятно, это объясняется тем, что для данной категории учащихся более развернутая система ориентиров требуется раньше ввиду ограниченных в зможностей переноса.

Испытуемые подгруппы В («сильные») показали абсолютные результаты при обучении по II и III вариантам. И даже при ориентировке только на речевой образец уровень усвоения в условиях ограниченной интерференции (II тип грамматических явлений) близок к абсолютному (0,98). Хотя эффективность обучения несколько снижается при усилении интерференции (V—VI типы грамматических явлений), она все же остается на достаточно высоком уровне (соответственно 0,96 и 0,91). Сравнение результатов испытуемых подгруппы В в разных вариантах позволяет сделать вывод о том, что алгоритм является избыточным для этой категории учащихся. Более того, при работе с явлениями II—V типов для испытуемых подгруппы В избыточна и модель. Применение аппарата математической статистики показывает, что значимость модели для этих учащихся начинается с грамматических явлений VI типа.

Таким образом, на основе результатов, представленных в табл. 1, можно сделать вывод о том, что степень развернутости ориентиров (объем учебной информации) при формировании иноязычных грамматических навыков зависит не только от интерференции, но и от уровня подготовки учащихся. Уровень подготовки можно рассматривать в качестве формального критерия способности учащегося успешно овладеть грамматическим действием на данном этапе.

Как известно, способности понимаются как психологические свойства личности, от которых зависит возможность осуществления и степень успешности деятельности [см. 5]. Такое понимание способностей не сводит последние к врожденным анатомо-физиологическим особенностям нервно-мозгового аппарата человека, т. е. к задаткам. Способности развиваются на основе задатков, но не сводятся к ним. Способности могут рассматриваться как предпосылка овладения знаниями и умениями, а в процессе такого овладения происходит формирование новых способностей. Главными показателями, которые позволяют судить о способностях индивида, считаются легкость усвоения новой деятельности и широта переноса выработанных способов восприятия и действия с одной деятельности на другую [см. 6]. В состав качеств, входящих в структуру способностей, включают положительное отношение к данному виду деятельности, характерологические черты (трудолюбие, организованность, целеустремленность и др.), определенный уровень знаний, умений и навыков, психологические особенности в сенсорной и умственной сферах, отвечающие требованиям данной деятельности [см. 4]. Проанализировав составляющие элементы способности, можно сделать вывод о том, что она в той или иной степени находит отражение в достигнутом уровне усвоения. А так как уровень усвоения в любой учебной группе всегда неодинаков, то так же неодинаковы и способности учащихся этой группы в данный момент. Поэтому для успешного овладения действием разными учащимися требуется система ориентиров различной степени развернутости. Кроме того, способности отдельных людей имеют качественное отличие, т. е. разные люди при выполнении одного и того же действия могут пользоваться различными способами [см. 7]. Например, в нашем эксперименте испытуемые подгруппы В проявили высокую способность самостоятельно выделять ориентиры выполнения действия даже на основе речевых образцов. В то же время для испытуемых подгруппы Б, и особенно А, требовалась более развернутая система ориентиров, причем эта необходимость возрастала при усилении интерференции.

Такие качественные отличия не учитываются в практике обучения иностранному языку. При применении единого метода для всех учащихся, например при организации формирования грамматических навыков на основе речевых образцов, известное преимущество получают ученики, способные ориентироваться на этот тип учебной информации. Остальные оказываются не в состоянии сразу действовать в условиях свернутой системы ориентиров. Это приводит к снижению интереса, целеустремленности и настойчивости и, соответственно, — к низкому уровню усвоения языка в целом. Учащийся не может овладеть очередной порцией материала, так как недостаточно усвоил предыдущую.

На наш взгляд, выход может быть найден в дифференциации обучения в зависимости от способностей учащихся и от интерференции в каждом конкретном случае. На основе результатов нашего исследования мы предприняли попытку, опираясь на методическую

типологию грамматических явлений [см. 9], определить границы значимости (т. е. целесообразности использования) каждого типа учебной информации в зависимости от указанных факторов (табл. 2).

Таблица 2

Тип грамматических явлений	Объем учебной информации		
	Подгруппа		
	«сильная»	«средняя»	«слабая»
I	образец	образец	образец, модель
II	»	образец, модель	»
III	»	»	»
IV	»	»	»
V	»	»	образец, модель
VI	образец, модель	образец, модель	алгоритм
VII	»	алгоритм	»
VIII	»	»	»
IV	»	»	»

Дифференцированное применение объема учебной информации должно создать предпосылки для адекватного усвоения грамматических действий каждым учащимся. При регулярном использовании развернутой системы ориентиров по методике поэтапного формирования [см. 2] наблюдаются сокращения в шкале поэтапного формирования [см. 3], а затем и в самой системе ориентиров. Со временем у учащихся должен сформироваться способ ориентировки, на основе которого они смогут самостоятельно выделять ориентиры выполнения действия. Поэтому такая организация усвоения может способствовать достижению определенной однородности уровня подготовки в группе и интенсификации процесса обучения в целом.

Список литературы: 1. Беспалько В. П. Опыт разработки и использования критериев качества усвоения знаний. — Сов. педагогика, 1968, № 4, с. 52—69. 2. Гальперин П. Я. Основные результаты исследования по проблеме формирования умственных действий и понятий: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. — М., 1965. — 39 с. 3. Карпова А. Ф. Изменение поэтапного формирования умственных действий при его систематическом применении: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. — М., 1968. — 21 с. 4. Крутецкий В. А. Психология математических способностей школьников. — М.: Наука, 1968. — 431 с. 5. Лейтис Н. С. Возрастные и типологические предпосылки развития способностей: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. — М., 1970. — 47 с. 6. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. — М.: Учпедгиз, 1946. — 595 с. 7. Теплов Б. М. Проблемы индивидуальных различий. — М.: Наука, 1961. — 536 с. 8. Черноватый Л. Н. К вопросу о соотношении типов учебной информации в процессе формирования иноязычных грамматических навыков. — Обучение в высш. и ср. спец. школе / НИИВШ. М., 1979, вып. 1, с. 18. 9. Черноватый Л. Н. К вопросу о соотношении типов учебной информации в условиях ограниченной интерференции. — Вестн. Харьк. ун-та, № 185. Иностр. языки, 1979, вып. 12, с. 78—83.

Поступила в редколлегию 18.10.79.

НЕКОТОРЫЕ СТРУКТУРНО-ВЕРОЯТНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СИСТЕМЫ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ФОРМАНТОВ ПОДЪЯЗЫКА МАТЕМАТИКИ

В настоящей работе рассматриваются некоторые количественные характеристики системы словообразовательных формантов (суффиксов, префиксов и конфигурации префикс + суффикс) английского языка в целом и подъязыка математики, полученные методом СВА (структурно-вероятностного анализа). Мы исходим из того, что «каждой языковой единице группе единиц объективно присуща некоторая вероятность ее появления в коммуникативной сфере» [1].

На данном этапе исследования мы исходили из не оправдавшей себя гипотезы о близости суффиксально-префиксальных распределений в различных подъязыках английского языка. В действительности же при сопоставлении полученных путем выборки усредненных относительных частот формантов оказалось, что не только различные подъязыки английского языка в целом, но даже и различные подъязыки внутри математики обнаружили сильную вариативность суффиксально-префиксальных распределений. Это заставляет нас искать общезыковой, а также общематематический инварианты при помощи процедуры двойного усреднения.

Общезыковой и общематематический инварианты системы словообразовательных формантов были составлены из десяти долей выборочного материала, причем каждая доля, в свою очередь, была представлена средней частотой встречаемости форманта в отрывке объемом 500 знаменательных словоформ в пяти подъязыках английского языка и пяти подъязыках математики. На основании составленных таблиц суффиксально-префиксальных распределений в английском языке и подъязыке математики (табл. 1, 2) были запрограммированы на машинном языке «Фортран» и вычислены на ЭВМ «Минск-32» следующие количественные характеристики словообразовательных формантов: 1) $\bar{x}$ — среднее абсолютное вхождение форманта в текст объемом 500 знаменательных словоформ; 2) АКО — абсолютное квадратичное отклонение от $\bar{x}$ по формуле $АКО = \sqrt{2 \sum (\bar{x} - x_i)^2 / n(n-1)}$; 3) ИВ — интервал вариации $\bar{x}$ по формуле $ИВ = \bar{x} \pm АКО$; 4) ОКО — относительное квадратичное отклонение от $\bar{x}$ по формуле $ОКО = АКО / \bar{x}$.

Анализ полученных данных позволил увидеть некоторые структурно-вероятностные характеристики суффиксально-префиксальных распределений в английском языке как целом и в подъязыке математики, а именно:

1) узловые точки системы — его ядро: а) наиболее весомые, т. е. представленные наибольшим значением $\bar{x}$; б) устойчивые точки системы, т. е. наиболее равномерно представленные форманты с наименьшим значением ОКО;

2) соотношение удельного веса формантов подъязыка математики и языка как целого, т. е. коррелятивную функцию КФ.

Как видно из табл. 1 и 2, наиболее частотные форманты являются в то же время и наиболее равномерно распределенными (ОКО не превышает 30%).

Таблица 1

Узловые словообразовательные форманты английского языка
(в порядке убывания $\bar{x}$ на 500 знаменательных словоформ)

Префиксы	$\bar{x}$	ОКО, %	Суффиксы	$\bar{x}$	ОКО, %
com/con-	8,2	8	-(t)ion	13,0	9
re-	6,8	7	-er (сущ.)	9,7	12
de-	5,6	12	-ly	8,0	15
ad/at-	4,7	19	-al	7,8	10
in (в)	3,4	18	-y (сущ.)	4,9	22
dis-	3,0	20	-(e) an	4,0	19
sub/sup	3,0	18	-(i) ty	3,7	13
ex-	2,7	18	-ent/ant	3,2	12
pro-	2,5	23	-ic	2,8	30
in-(не)	2,1	14	-ive	2,3	13
ob-	1,3	17	-able/ible	2,3	21

Таблица 2

Узловые словообразовательные форманты подъязыка математики
(в порядке убывания $\bar{x}$ на 500 знаменательных словоформ)

Префиксы	$\bar{x}$	ОКО, %	Суффиксы	$\bar{x}$	ОКО, %
com/con-	29,6	7	-(t)ion	32	17
de-	12,7	14	-al	17,9	17
re-	11,4	24	-ly	14,8	23
sub/sup-	10,6	20	-er (сущ.)	11,0	26
ex-	8,3	13	-(i)ty	7,8	15
dis-	7,4	22	-ent/ant	7,8	14
ad/at-	7,0	13	-ence/ance	6,2	19
in-(не)	6,9	12	-ive	5,8	21
in(в)	5,4	21	-ary	4,8	30
non-	3,6	30	-ar	4,5	29
ob-	3,0	26	-ate	2,9	24

Таблица 3

Убывающий ряд КФ узловых формантов подъязыка математики

Префиксы	КФ+АКО КФ	Суффиксы	КФ±АКО КФ
non-	4,7 ± 2,72	-ar	3,2 ± 1,44
sub/sup-	3,5 ± 0,98	-ent/ant	2,4 ± 0,62
in-(не)	3,3 ± 1,19	-(t) ion	2,4 ± 0,62
com/con-	3,0 ± 0,51	-ive	2,4 ± 0,81
ex-	2,7 ± 0,83	-ary	2,4 ± 1,05
dis-	2,4 ± 1,03	-al	2,3 ± 0,62
ob-	2,3 ± 0,98	-ence/ance	2,3 ± 0,85
de-	2,2 ± 0,59	-(i) ty	2,0 ± 0,56

Для определения в дальнейшем исследовании наличия или отсутствия валентности между словообразовательными формантами подязыка математики и английского языка в целом мы вычислили коррелятивную функцию (КФ) по формуле $KФ = УВ/НВ$, где УВ — условная вероятность, или обобщенная встречаемость форманта в подязыке математики; НВ — безусловная вероятность, или обобщенная относительная частота форманта в английском языке в целом.

Таблица 4
Относительная частота вхождения
конфигурации префикс—суффикс
в подязык математики

Префикс—суффикс	Относительная частота встречаемости
com — (t) ion	0,009
de — (t) ion	0,005
dis — al	0,004
com — ent	0,003
ge — (t) ion	0,002
com — ence	0,001

Коррелятивная функция [КФ], демонстрируя численно несовпадение с формулой независимости двух событий — языкового элемента и заданного условия — особым образом показывает меру их лингвистической зависимости [см. 2].

На основании значений КФ табл. 3, существенно превышающих единицу, мы можем судить о значительном отклонении подязыковой вероятности появления формантов в коммуникативной сфере от общеязыковой вероятности актуализации этих же формантов.

На данном этапе мы провели также статистическое исследование конфигурации префикс — суффикс в подязыке математики на массиве в 25 тыс. знаменательных словоформ. В клетках таблицы-матрицы мы обнаружили следующие наиболее частотные конфигурации (табл. 4).

Статистические данные экспериментального обследования английских текстов методом структурно-вероятностного анализа позволяют сделать такие выводы: 1. Распределение различных суффиксально-префиксальных формантов в английском языке в целом и в подязыке математики, в частности, неравномерна. 2. Неравномерно также распределение одних и тех же формантов в английском языке в целом и в подязыке математики. 3. Наиболее частотные форманты наиболее равномерно распределены по всем выборкам. 4. Представляется возможным выделить ядро суффиксально-префиксальных формантов в английском языке как целом и в подязыке математики, состоящее из наиболее частотных и равномерно распределенных по всем выборкам формантов. 5. Существует значительное отклонение подязыковой вероятности появления формантов в коммуникативной сфере от общеязыковой (по данным КФ). 6. Результаты исследования могут быть использованы в методике преподавания иностранных языков при отборе материала для обязательного усвоения и при изучении особенностей подязыка математики.

Список литературы: 1. Андреев Н. Д. Языковая и метаязыковая вероятность. — В кн.: Проблемы структурно-вероятностного анализа языков: Материалы IV Межресп. семинара. — Днепропетровск, 1975, с. 3—5. 2. Андреев Н. Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языкознании. — Л.: Наука, 1967, — 403 с.

Поступила в редколлегию 08.11.79.

уиБ-1✓

**ВЕСТНИК
ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

№ 220

Системность в романских и германских языках

Редактор *В. Н. Забелин*
Художественный редактор *Т. П. Воробьенко*
Технический редактор *Л. Т. Момот*
Корректор *В. В. Николаева*

Сдано в набор 13.10.80. Подп. в печать 27.08.81. БЦ 10341.
Формат 60×90/16. Бумага типогр. № 3. Лит. гарн. Вис. печать.
6,5 усл. печ. л. 6,75 усл. кр.-отт. 8,3 уч.-изд. л. Тираж 1000 экз.
Изд. № 849. Зак. 440. Цена 1 р. 20 к.

Издательство при Харьковском государственном университете
издательского объединения «Вища школа», 310003, Харьков-3,
ул. Университетская, 16

Отпечатано с матриц книжной фабрики им. М. В. Фрунзе в Харь-
ковской городской типографии № 16, 310003, Харьков-3, ул. Уни-
верситетская, 16. Зак. 1256.